

2020/2–3 (90–91)

Древняя Православия

Архимандрит Павел (Леднев) Прусский — настоятель Никольского единоверческого монастыря в Москве. *Фото 1880-х годов*

ЛИЦА ЕДИНОВЕРИЯ

ДВОРЫ И КАМНИ

*Из истории Единоверия и усилий по преодолению
церковного раскола в XIX веке*

ПОСВЯЩАЕТСЯ 125-ЛЕТИЮ ПАМЯТИ
СВЯЩЕННОАРХИМАНДРИТА ПАВЛА ПРУССКОГО

27 апреля 1895 года почил о Господе священноархимандрит Павел (Леднев) Прусский, настоятель Никольского единоверческого монастыря в Москве, известнейший миссионер второй половины девятнадцатого столетия. Семь лет назад постоянный автор «Правды Православия», ныне покойный Владимир Игоревич Карпец подготовил для нашего издания материал о нем, который не был опубликован в те годы по техническим причинам. Ныне к 125-летию памяти священноархимандрита Павла Прусского мы публикуем с незначительными сокращениями статью Владимира Игоревича «Дворы и камни».

Архимандрит Павел Прусский (Петр Иванович Леднев) родился 16 января 1821 года в городе Сызрани в старообрядческой семье, и сам в первую половину жизни принадлежал к старообрядцам-федосеевцам, занимая среди них весьма видное положение как хороший, видимо, лучший начетчик.

Федосеевский беспоповский толк возник в конце XVII — начале XVIII столетия на Новгородчине. Его основателем был бывший диакон деревни Крестецкий Ям, близ Новгорода, Феодосий Васильев (1661–1711), основавший первую общину. Согласие оформилось чуть позже, в начале 90-х годов XVII века.

Оставшись без священства, беспоповцы утратили и таинства: Евхаристию, миропомазание, венчание и елеосвящение. Крещение и покаяние стали совершать сначала простые миряне, а затем избранные наставники, которые правили и церковные службы...

Вопрос о браке приобрел среди беспоповцев едва ли не главное значение. Федосеевцы отвергли *безсвященнословный брак*, так как считали, что наступило Царство антихриста и продолжение рода челове-

ского стало преступно. В 1694 году состоялся в Новгороде собор беспоповцев, на котором супружество было совершенно отвергнуто... «Брачное супружество совершенно отвергать законополагаем, потому что по грехом нашим в таковая времена достигохом, в ня же православнаго священства в конец по благочестию лишились. А посему и союзом брачным некому обязать, кроме как антихристовым попам, а безвенчаннны браки имут запрещение от царя Алексея Комнина. Да и Апостол глаголет яко имущие жены яко неимущие будут»¹. В принципе ту же точку зрения разделяли и поморцы, которые уже позже, в начале XIX века, ее изменили.

Впрочем, браки, заключенные до раскола, так называемых *староженов* федосеевцы (в отличие от поморцев) признавали, а впоследствии учение Феодосия было подвергнуто некоторым изменениям. На соборе 1752 года называемом «Польским», брачные федосеевцы разделены были на две партии — *староженов* и *новоженов*. Первыми назывались вступившие в брак до переkreщивания в согласие, а вторыми — начавшие сожителство уже после переkreщивания. Староженов принимали на общественную молитву, но за чадородие

подвергали отлучению. Новоженен на моление не принимали, а детей крестили с обещанием родителей разойтись. На практике это выглядело примерно так: при желании вступить в брак молодые (и не обязательно) люди, не порывая с общиной, становились «не молящимися», а по истечении времени «переходили на чистое житие» и возвращались в общину вместе с детьми. Но безбрачие большинству было все же не по силам.

Со второй половины XVIII столетия федосеевцы постепенно становятся самым многочисленным и влиятельным направлением в беспоповстве. Их центром с 1771 года становится община Преображенского кладбища в Москве, основателем и первым наставником которой был Илья Алексеевич Ковылин (1731–1809), бывший дворовый человек князей Голицыных. Руководители общины выкупали крестьян, принявших учение федосеевцев, также часто община принимала и укрывала беглых крепостных, особенно женщин. Большинство же членов общины работало на хлопчатобумажных мануфактурах в Лефортове и жило там же.

В 1771 году в Москве разразилась чума. Ежедневно умирали сотни людей. Городские власти были не в силах бороться с болезнью и даже убирать умерших. Необходимо было сделать так, чтобы эпидемия не распространилась на всю Россию... Здесь пришли на помощь старообрядцы-поповцы с Рогожского кладбища и федосеевцы с Преображенского. Среди них был и И.А. Ковылин.

«Собрание от церковной истории древлеправославных христиан, именуемых федосеевых и филипповых: и о их некоем междуусобном несогласии» рассказывает:

Архимандрит Павел
в молодости

«В 1771 году, по Божию попущению, умножающеся тогда в Москве моровой заразе, нашему христианскому обществу разрешено было правительством устроить больницы для заболелых внутри столицы². И во оных больницах принимались тогда зараженными болезнью люди разного звания. И от первого сентября месяца по декабрь, как являет история из оных больниц, выздоровевших и возвратившихся в свои дома до шести сот человек, такое значительное количество выздоравливавших тогда в наших больницах, не сравнительно и преимущественно пред прочими, приводит внешних историков во удивление. И они признают воду быть тут целебным средством, пишут так: "что приходящим в ковылинскую

больницу, федосеевцы во главе с Ковылиным и Зенковым не упускали случая дать понять обращавшимся к ним, что Москву карает Господь за отступление никониян, и что единственное средство спастись состоит в обращении к древнему православию"»³.

Автор Собрания, правда, выражает сомнение в том, что именно Ковылин был главным строителем помощи больным:

Илья Алексеевич
Ковылин

«Впоследствии, хотя и сделался Ковылин знаменитым членом христианского общества и главным попечителем оной больницы, но его должность состояла внешнего попечения, а не духовного в больнице правления, как это пишут некоторые от неведения. По нашей христианской истории, также и по некоторым гражданским, что при начале устройства больницы в 1771 году заведующий там духовным правлением был, как выше сказано, старейшим настоятелем, Илья Алексеевич, который в том же году и житие свое скончал, оставил о себе добрую и похвальную память, не тобою в христианском мире, но и во внешнем».

Здания богаделен и часовен были воздвигнуты из кирпича ковылинских заводов. При этом Илье Алексеевичу удалось привлечь для строительства известных русских архитекторов В.И. Баженова и Ф.К. Соколова. В храмах Преображенского кладбища стараниями Ковылина были собраны со всей России древние иконы. Главным попечением И.А. Ковылина была благотворительная деятельность: забота о сиротах и престарелых, устройство бесплатных столов для ежедневного кормления неимущих, независимо от их вероисповедания. В Преображенской обители была открыта богатейшая библиотека, созданная Ильей Алексеевичем. Так или иначе, на благотворительность Ковылин завещал 300 000 рублей — по тем временам деньги совершенно небывалые. Многие писали, что сам Ковылин ощущал себя ни больше ни меньше, как Патриархом всея Руси.

«Московское Кладбище было, — писал потом в своих "Воспоминаниях" архимандрит Павел Прусский, — очень сильно в материальных средствах, и все, в разных местах существования, федосеевские обители материальными средствами скрепляло в одно целое. Если в какой обители произойдут какие-либо несогласия с Кладбищем в толкованиях о вере, Кладбище отказывало ей в материальных средствах, доколе не смирится. Также и московские купцы-федосеевцы без рекомендации Кладбища не дадут такой обители никакой милостыни, а когда смирится и попрощается, и обещается, что впредь так, не согласно с московскими отцами, толковать не будет, то и от Кладбища и от купцов опять получит обычную материальную поддержку. Этим Кладбище и держало всех в подчинении себе».

Безбрачие вызывало бесчисленные соблазны, в том числе внутри самой беспоповской среды. Позже архимандрит Павел Прусский о таком безбрачии писал как о не только лицемерном, но и прямо греховном:

«А в каком смысле и насколько признаются законными, это можно видеть из того, какому наказанию за тот же самый законный брак подверга-

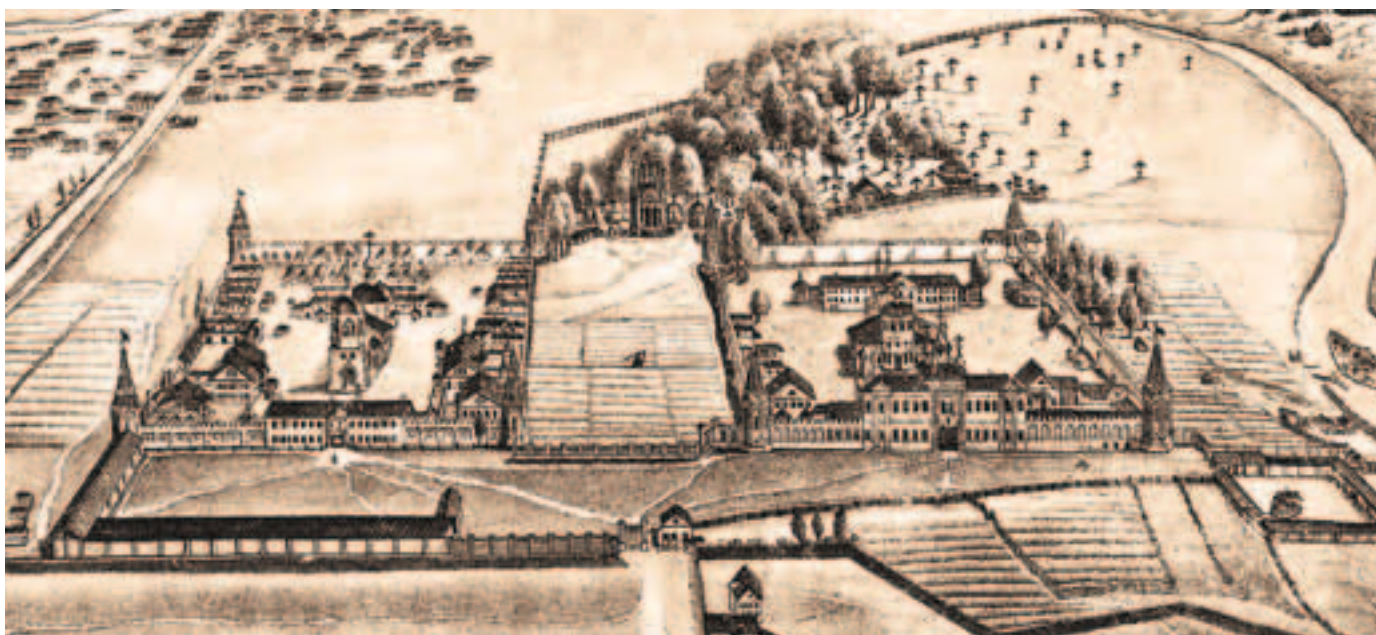
ются здесь "староженсы": "а которые законные браки прияты в церковь, и будут детей рождати, и таковых наказывати отцем духовным: за первого полгода отлучать, за второго год, за третьего два лета. Должно заметить, что отлучению подвергаются супруги, как только обнаружится чревоношение, т. е. в уложении нет наказания за брачное сожитие, но лишь за то, что обнаружилось сожитие чадородием. Значит, строго наказание полагается не за брачное сожитие, а за чадородие»⁴.

Тем не менее дети рождались, семьи крепили, а исполнение правила превращалось в некую механику...

Федосеевцы сами делились на толки: часть рижских и польских федосеевцев («новоженов») стали признавать брак, заключаемый простецом (аристовцы). С другой стороны, кондратьевцы настаивали на полном безбрачии. Часть тяготившихся безбрачием переходила в поморские общины брачного согласия, а некоторые — в единоверие. На своем соборе 1883 года федосеевцы подтвердили постановления Польского собора 1752 года, но и после него неразбериха продолжалась.

Вопрос о браке, конечно, не только он, но с него все началось, стал тем оселком, с которого началось обращение Павла Прусского — одного из видных федосеевских начетчиков к Греко-Российской Церкви.

Родители архимандрита Павла — сызранские граждане Ледневы, сословия купеческого — по метрикам принадлежали к Греко-Российской Церкви, в которой он и был крещен с именем Петра, но на самом деле были федосеевцами... Как почти у всех старообрядцев, дом семейства Ледневых был полон книг. Дед Петра был беглопоповцем, то есть священство от Господствующей Церкви признавал, но при «проклятии ересей» и разрыве с иерархией. Поэтому в доме Ледневых постоянно шли «прения о вере», впрочем, не нарушавшие семейного

Перспективный вид Преображенского богаделенного дома с юго-западной стороны.
Гравюра пунктиром Р. Курятникова. 1854 год. ГИМ

мира. Из них маленький Петр и узнал почти обо всем, что волновало тогда многомиллионное старообрядчество.

Еще запомнилось Петру Ледневу детское его посещение старинного Ипатьевского монастыря, из которого призван был на Престол будущий Царь Михаил Феодорович Романов, предок, как он сам писал, *теперь благополучно царствующих государей* (он всегда, в том числе и в беспоповстве, почитал Царствующий Дом). Михаил Феодорович, как и вся Россия в его пору, «ходил по старинам», и федосеевцы чтили его и его род, хотя и скорбели о последующем, как они считали «отпадении» (почему наставники и учили «не молиться» о Царе). Отец сам рассказывал Петру о Михаиле Феодоровиче, *«как его оттуда просили на царство, у его матери и, чтобы удобнее преклонить ее к прошению, приносили чудотворную икону Пресвятой Богородицы, именуемую Феодоровскую, и как мать Михаила Феодоровича вручила его Божией Матери пред святою Ея иконою»*. Было это во время их с отцом плавания по Волге: отец торговал пшеном и часто брал мальчика с собой. В следующее плавание (Петру тогда было десять лет) они причалили к Костроме надолго,

и в один из дней мальчик сам дошел до реки Костромы, перешел мост и вошел в ворота Ипатьевского монастыря. Там к нему подошел ризничий и долго расспрашивал, кто он и откуда, и Петр все ему рассказал.

*«Ризничий сказал: иди за мной, я тебе кое-что покажу. И ввел меня в церковь, потом отпер ризницу, показывал там разные предметы и объяснял мне их назначение: это вот архиерейские облачения, это омофоры, митры, панагии; потом показал древние книги, письменные и харатейные; наконец, показал святое Евангелие древнее и приказал мне к нему приложиться»*⁵.

Петр более всего любил книги и уединение. Вначале учение о безбрачии пробудило в душе мальчика искреннее желание совсем удалиться от мира, усиленное смертью любимой матери... В это же время один из федосеевских стариков перекрестил Петра федосеевским крещением, и он удалился для подвигов в пустыню, где прожил несколько лет в уединении. О нем пошла молва, и наставники стали готовить его к своему делу. Однако уже тогда «брачный вопрос» стал смущать юношу: младенцев,

Войновский Свято-Троицкий монастырь.
Фото второй половины XIX – начала XX века

Иконостас Троицкого храма Войновского монастыря.
Фото второй половины XIX – начала XX века

рожденных в брачном сожитии, наставники не допускали до крещения, а рожденных вне такого сожития крестили беспрепятственно. Исповеди брачных не придавали силы. Но молодой человек относил тогда свое смущение на счет собственной немощи. Он решает принять иночество и едет в Москву на знаменитое тогда Преображенское кладбище, разумеется, не зная и не думая, что именно с этим местом будет потом связана вся его жизнь уже в качестве архимандрита и настоятеля единоверческого монастыря.

Строгие меры Императора Николая I против старообрядчества, вызванные на самом деле в значительной мере тем, что польские революционеры, в том числе известный Михаил Чайковский, он же Садык-паша (принявший ислам), помогали части поповцев обрести епископа (так родилась Белокриницкая иерархия), в конце концов ударили по всем ревнителям древнего благочестия — этого из истории не выбросишь, хотя этого объяснения гонениям историки, как правило, не дают — умалчивают. Федосеевцы стали думать о создании второго центра — в более безопасном месте. В 1848 году на средства кладбища Петр Леднев, еще мирянин, был отправлен в Восточную Пруссию, где в поселке Экертсдорф (ныне поселок Войново на северо-востоке Польши) устроил Войновский старообрядческий монастырь, а вскоре и сам принял иночество. Это произошло в Злынском беспоповщин-

ском монастыре (Черниговские слободы), где он принял постриг с именем Павел. В 1851 году, вследствие раздоров в своем монастыре, он удалился на время в Климуцы (близ Белой Криницы), где основал немногочисленную поморскую беспоповскую общину. Поморскую — именно потому, что стал брать «новоженов» на исповедь, как это делали и делают признающие брак поморцы, основателем согласия которых был Иван Алексеев (1708–1776), который в своей книге «Тайна брака» утверждал, что брак есть таинство не по причине венчания, а по самому существу супружеской любви. Произошло такое *пременение во мнении* у отца Павла, на которого книга Ивана Алексеева произвела сильное впечатление около 1856 года.

Краткая история Войновской обители такова: в 1820–1830-х годах старообрядцы в числе 380 семей (1213 человек) поселились около Мазурских озер, и возникло более десяти небольших старообрядческих деревень: Зеленая Пуша, Войново, Свигнайно, Иваново, Онуфриево и другие. Здесь в 1837 году была основана первая моленная в деревне Свигнайно, а в 1840 году — в деревне Войново (около 145 человек; в 1872 году — около 400), ставшей центром старообрядческой колонии. Среди основателей деревни Войново был некий Сидор Борисов, выходец из Режицкого уезда Витебской губернии. В 1836 году старцем Лаврентием

Растропиным (1762–1851) здесь был основан известный Войновский монастырь. Во главе с иноком Павлом Прусским в 1847–1867 годы Войновский Свято-Троицкий монастырь пережил расцвет... Павел Прусский увеличил монастырь, построил новые здания, основал библиотеку, иноки в монастыре воспитывали и обучали церковной грамоте детей, в том числе присланных из России... Кроме того, Павел Прусский основал женский монастырь в Пупах (ныне Спыхово, Польша) близ Войново. По его инициативе возникло немало молелен в России, где настоятелями были бывшие насельники Войновского монастыря. Инок Павел Прусский стал признанным вождем не только федосеевского согласия, но и беспоповщины как таковой по всей России.

В 1858 году Павла Прусского пригласили на Преображенское кладбище для объяснений по вопросу о браке. Встреча закончилась разрывом. А в 1861 году Павел Прусский установил в Войновском монастыре моление за возвращение священства.

«Когда мы утвердились в учении о вечном и неизменном существовании церкви с иерархией и таинствами <...>, принять епископа мы думали не так, как поступили белокриницкие, без всякого чинопрятия, не только по второму чину (чего мы не могли и исполнить за неимением священника и мира), но и по третьему, а только взявши с него обещание, чтобы служил по старопечатным книгам и не разделял укоризн на эти книги и на старые обряды; со своей стороны мы должны были верить, что та Церковь, от которой он пришел к нам, не лишена даров Святого Духа в таинствах. На таких условиях восстановить старообрядческую иерархию мнилось нам делом несомнительным. Это мнение стали разделять многие не только из наших беспоповцев, но даже начитанные из поповцев, сознавая, что такая иерархия будет много лучше австрийской, — и они сочувствовали нашей мысли и желали ее осуществлению», — сказано у отца Павла в «Воспоминаниях».

Но принять епископа без вхождения в материнскую Церковь, как поступили «австрийцы», для Павла Прусского и других войновских беспоповцев было неприемлемо. Равно как и обычное беглопопство. В последнем особенно подозрительно было наличие не только расстриг, но и вообще «священников» без ставленнических грамот и даже порой без рукоположения.

Ко всему этому прибавились и еще важные обстоятельства. Посещал Войновский монастырь известный Василий Кельсиев, деятельный сотрудник «лондонского центра» под возглавлением революционного вождя Герцена. Старообрядчеству Герцен уделял очень много внимания, надеясь привлечь его к борьбе против Романовых, которым, как он уверял, ревнители древлего благочестия должны «отомстить». Сотрудник Герцена В.Н. Кельсиев начал в 1860 году публиковать собрание документов о старообрядцах. С 1862 года выходило специальное приложение к «Колоколу», предназначенное для старообрядцев, — «Общее вече», основным автором которого был друг Герцена Н.П. Огарев, писавший, что революционную интеллигенцию и старообрядцев объединяет стремление создать царство правды на земле. Герцен и Огарев объявили, что готовы создать в Лондоне старообрядческий монастырь, собор, типографию и даже епископство. К Герцену поехал белокриницкий епископ Коломенский Пафнутий, и встреча закончилась полным разрывом. 24 февраля 1863 года старообрядческий митрополит Московский Кирил издал архиастырское послание, в котором говорилось:

«К сим же завещаю вам, возлюбленным: всякое благоразумие и благопокорение покажите пред Царем вашим, в чем не повреждается вера и благочестие, и от всех враг его и изменников удаляйтесь и бегайте... наипаче от злокозненных безбожников, гнездящихся в Лондоне и оттуда своими писаниями возмущающими европейские державы».

Еще ранее, в 1862 году появилось написанное известнейшим белокриницким начетчиком Иларионом Кабановым (Ксеносом) «Окружное послание», где в числе прочего напоминалось о необходимости приношения пятой просфоры за Царя, Царствующий Дом и Палату. В это же время в среде белокриницкого епископата усиливаются настроения к «отложению от Австрии». Более того, в Окружном Послании выражается готовность к воссоединению с Греко-Российской Церковью при условии снятия ею клятв 1666–1667 годов.

С Ксеносом отец Павел, уже будучи в единоверии, многожды встречался, и они были почти единомысленны, но Иларион Георгиевич не был готов переходить в Греко-Российскую Церковь и привести своих единомышленников до снятия клятв 1666–1667 годов, о чем еще пойдет речь. А вот с Кельсиевым пришлось вести беседы нелицеприятные. Вот что уже через много лет рассказывал отец Павел в «Воспоминаниях»:

«В один из моих приездов из Пруссии в Россию, именно в 1863 году, на пути в Москву остановился я в Петербурге, как и всегда это делал. В Петербурге я останавливался тогда у купца Мартьянова. Он мне сообщил, что некоторые из благородных людей желают со мною познакомиться <...> На другой день явился к нему некий дворянин, а затем и еще один. Этот последний и был Кельсиев, который прямо сказал, что пора поднимать народ, что пришло время, все недовольны... Рассуждал он долго, и всячески старался показать, что знает старый обычай и по-старому молится. Прожил он у Мартьянова три дня. Когда в конце концов выяснилось, что согласия со старообрядцами у него не получается, и гость услышал ответ,

что простой народ, как бы тяжело ему ни было, всегда готов умереть за царя, он изрек:

"Если вы и не будете с нами согласны и не станете нам помогать, а мы все-таки

в вашу пользу будем работать".

"Я спросил, — вспоминал отец

Павел: — А почему вы будете работать в нашу пользу?"

Кельсиев ответил: "Потому что ваша польза сопряжена с нашей пользой"».

И вот чем все закончилось:

«Когда мы проводили Кельсиева, Мартьянов сказал: "Вот, что случилось! Слугу антихриста, готовящего ему путь, пришлось в лицо увидеть!" Это Мартьянов сказал на основании слов святого Златоуста на второе послание к Солунянам, что антихрист придет, когда упразднится Римской власти

могущество, и что упразднить власть — значит готовить антихристу путь. Потом мы рассуждали с Мартьяновым об этих словах Кельсиева: "Мы станем работать в вашу пользу и без вашего согласия". Их цель, — рассуждали мы, — чрез разрушение Церкви достигнуть разрушения государства, а когда достигли бы они разрушения Церкви и государства, тогда добрались бы и до нас; мы им нужны, только для достижения их цели. И мы порешили лучше терпеть от "никониан" всякое гонение, нежели соглашаться с безбожниками и тем, чрез разрушение власти, готовить путь антихристу. С тех пор я понял и то, откуда идут эти толки и старания о свободе религий, о свободе раскола, — от безбожников, стремящихся чрез разрушение Церкви достигнуть разрушения самодержавной власти!»

Позже отец Павел вспоминал:

«По возвращении в Лондон и потом живя в Турции Кельсиев ни в какие сношения со мною не входил. Но мне пришлось и еще раз увидеться

В. Н. Кельсиев.

Портрет
середины XIX века

с Кельсиевым. Это было уже после моего присоединения к Церкви. Кельсиев, принеши правительству повинность, возвращался тогда из-за границы и, бывши в Москве, приехал в Никольский единоверческий монастырь посетить отца Пафнутия, который был тогда настоятелем. Я жил тут же, Кельсиев посетил и мою келью. Он говорил тогда, что опять стал христианином и будет верным правительству, что все прежнее он выбросил из головы. Искренно ли говорил он — это знала его совесть».

История с революционерами высветила еще одно важное разногласие между беспоповцами — о молении за Царя, воспрещенном федосеевским «канонам». Будто бы Царь — еретик, а молиться за еретика нельзя. Павел Прусский с самого начала утверждал обратное:

«А по учению апостольскому, изъясненному святым Златоустом, и за неверных царей молиться есть только справедливый долг, ибо они за подчиненных им воинствуют, и если не молиться, то надо самим воинствовать, или бегати и блуждати. И апостол, по изъяснению Златоуста, не просто молиться повелевает за неверных царей, но и во время таинств, то есть на святой литургии, в приношении поминать, ибо сия молитва не просто за невернаго, но с нею совокупляется благосостояние верных: да тихое, рече, и безмолвное житие поживем».

Размышления инока Павла Прусского, самого видного по тому времени федосеевского наставника и начетчика, о браке, священ-

стве, молении за Царя и об остальном подобном привели его в конце концов к разрыву с согласием. Перейдя вместе с пятнадцатью инокami своего монастыря в единоверие, в 1867 году Павел Прусский был вынужден покинуть Войновский монастырь. Вскоре он уехал в Москву и сблизился с Московским митрополитом Филаретом (Дроздовым).

В Великороссийской Церкви инок Павел был неопитом. В дальнейшем это определило и сильные стороны его деятельности в единоверии — твердую убежденность в том, что Церковь едина, и слабые — его в общем-то равнодушие к вопросу о снятии клятв 1666–1667 годов — главному вопросу, волновавшему даже не столько старообрядцев, сколько именно единоверцев.

25 февраля 1868 года, в воскресенье второй недели Великого Поста, было совершено торжественное присоединение Павла Прусского к Господствующей Греко-Российской Церкви викарием Московской епархии. После этого он поселился в Никольском единоверческом монастыре в Москве, открытом там же, на Преображенском кладбище.

Для беспоповцев переход инока Павла в единоверие было почти ударом. «Если бы, — признавались они, — это во сне приснилось, и тогда напугало бы. Пускай бы кто любил роскошно жить, и сладкую пищу есть, и хорошо наряжаться, и случилось бы с ними такое событие, — это было бы не диво. Но разве отец Павел такой человек? Как же и отчего случилось с ним такое событие?»⁶

Продолжение следует

В. И. Карпец

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Из Приговора или уложения Новгородского собора 1694 года. Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. — СПб., 1898.

2. Русский архив. — Вып. 5. — 1864. — С. 246.

3. Раскольнические дела. Андреев. С. 199.

4. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 49.

5. Там же. С. 322–323.

6. <http://churchtoday.ru/novosti/istoricheskie-i-povestvovatelnye-stati/istorija-edinovercheskogo-dvizhenija-v-xix-veke.html>.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ О. Н. КУЛИКОВСКОЙ-РОМАНОВОЙ
И В. Н. БОРОВИЦКОЙ

О милых спутницах, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностью: были

1 мая 2020 года, в канун Недели Жен-Мироносиц, на девяносто четвертом году жизни мирно отошла ко Господу вдова родного племянника святого Царя-Мученика Николая II, Ольга Николаевна Куликовская-Романова. Пятью днями ранее 26 апреля на семьдесят девятом году жизни оставила земное бытие русская писательница Валентина Николаевна Боровицкая. Эти два горестных события явились невосполнимой утратой для всей православной общественности России.

Два замечательных человека, две высоких жизни, полные беззаветного служения русскому миру и Истине, две величайшие судьбы вдруг, разом прервались фатальной неизбежностью возраста...

Но покоряющая человеческое сознание громада Богоугодных земных дел, совершенных этими хрупкими дамами на своем земном пути, их добрая слава вводят нас в изумление и немой восторг. Именно их славные дела являются нетленной радостью утешения для скорбящих душ их многочисленных почитателей.

Для единоверческого храма Архангела Михаила Ольга Николаевна и Валентина Николаевна были особыми, уникальными прихожанками. И пусть в силу своей большой общественной занятости их посещения нашей церкви не были частыми, но то тепло, та особая атмосферу, которые всегда возникали при встречах с ними, та духовную силу, которую источали их личности, испытали на себе и помнят многие члены нашей общины.

Сегодня, когда свежи еще в памяти их благочестивые лики и отчетливо виден их жизненный путь, возникает естественная потребность написать слова почтения и благодарной памяти об этих замечательных женщинах.

Ольга Николаевна Куликовская-Романова, супруга старшего сына Великой Княгини Ольги Александровны Тихона Николаевича Куликовского-Романова, родного племянника Государя Николая II, родилась в Югославском королевстве, в сербском городе Валево 20 сентября 1926 года в семье эмигрантов: боевого казачьего офицера Императорской и Белой армий, участника знаменитого Ледового похода, потомственного дворянина Тамбовской губернии (ныне Липецкая область) Николая Николаевича Пупынина и Нины Конрадовны Коперницкой, талантливого художника и скульптора.

«Мне довелось родиться на революционном сломе эпох и государственного строя. Монархия насильем и обманом была свергнута, очаги прежней русской жизни переместились на чужбину, их хранители оказались в изгнании, — так характеризовала Ольга Николаевна свое рождение в эмиграции. — Мы, дети русских изгнанников, родившиеся на чужбине, впитали с молоком матери от наших родителей их неизбывное желание вернуться на Родину. Каждый Новый год за праздничным столом они произносили тост о том, чтобы эта заветная мечта сбылась...»

Именно в эмигрантском детстве, в той среде непроходящей тоски по Родине, по

Ольга Николаевна Куликовская-Романова у поклонного креста Царственным мученикам в Ганиной Яме

величию Императорской России, которыми были пропитаны все поры жизни в эмиграции, зародилась неизбывная любовь Ольги Николаевны к русскому миру, русскому Отечеству, которая и стала ее путеводной звездой в поиске Русской дороги к будущей подвижнической и просветительской деятельности.

«Оглядываясь на пережитое, ясно вижу, как Господь то сурово, то нежно выводил меня из путаницы зарубежного лабиринта на Русскую дорогу, "которая всегда за нас"», — так выражалась Ольга Николаевна.

Просветительская и миссионерская деятельность Ольги Николаевны были настолько наполнены любовью к святым Царственным мученикам, к Государю Императору Николаю II и его сестре Ольге Александровне, что ни у кого не оставалось и тени сомнения в том, что Ольга Николаевна является членом императорской династии. И это духовно было именно так, ибо она не просто любила Царскую семью, но

распространяла эту любовь вокруг себя, буквально преображая своих слушателей, становившихся в одно мгновение верными почитателями Государа Николая II и наследниками его любви к России.

«Родившись в Югославии в семье боевого царского офицера, участвовавшего в Гражданской войне, я с детства воспитывалась на традициях исторической России. Даже зрительно образ родины сформировался по картинкам из дореволюционного журнала "Нива", подшивку которого принес домой отец. По заметкам в журнале познакомилась и с русской азбукой. Эвакуированный из Новочеркасска в Югославию Мариинский Донской институт благородных девиц, где я училась, находился под Высочайшим покровительством королевы Югославии Марии. Мы, институтки, даже вышивали ей собственными руками незатейливые подарки. А затем лучших девочек отправляли преподнести Ее Величеству наше рукоделие к какому-либо большому празднику. Классы наши имели

Ольга Николаевна Куликовская-Романова в храме
Архангела Михаила. 13 августа 2006 года

названия русских городов — «Москва», «Киев». <...> Учились мы по образовательным программам царского времени, где первым предметом был Закон Божий. Нас воспитывали православными русскими людьми, любящими царскую Россию. Мы не задумывались о монархизме, мы им жили».

Получившая образование в Мариинском Донском институте благородных девиц, будучи представительницей дворянского рода, Ольга Николаевна являла собой тот удивительный образ русского дворянства, который был славен своей беззаветной службой императорам великой России. Этот образ царского слуги она пронесла через всю свою жизнь.

Когда в 1941 году немцы захватили Югославию и был закрыт Мариинский Донской институт благородных девиц, его

начальница, Наталья Владимировна Духонина, в последний раз собрав всех его воспитанниц, обратилась к ним с проникновенной речью: «Выпуская вас из этих стен, призываю вас твердо помнить, что ни время, ни удаленность не освобождают нас от нашей духовной принадлежности к нашему народу и нашей земле. Нам в жизни сопутствуют святые земли Русской, ее великая духовная культура. Расставаясь с вами, прошу вас помнить всегда, что духовно оторвать нас от России ни в чьей власти!»

«Я навсегда запомнила этот завет и всегда следовала ему», — часто говорила Ольга Николаевна.

Вскоре после закрытия института, еще совсем юной девушкой, она была интернирована в немецкий город Штутгарт на принудительные фабричные работы. Воспоминания об этих суровых годах у Ольги Николаевны были связаны со скудным питанием и многочасовой работой. Одежда быстро изнашивалась, а смены не было, не выдавали. Одежду приходилось многократно чинить и штопать. Страшным испытанием стали бомбардировки мирного населения английской и американской авиацией в конце войны.

Всю свою жизнь прожила Ольга Николаевна с неизменной верой в особое заступничество Богородицы. Еще в юности, в феврале 1940 года (в Сербии), в тонком сне ей было явление Божией Матери, ставшее для нее судьбоносным: «На небе появилось светлое пятно, потом преобразилось в сияющий Крест, а затем на фоне Креста появилась Богородица. И рука Ее, жест Ее руки указывал направо. В моей далекой памяти, в подсознании было, что Она указывает на Восток». Много позже она объяснит для себя сакральность данного явления, когда уже в 1993 году в Екатеринбурге, во время мероприятий, связанных с увековечиванием памяти кровавой расправы над Царем Николаем II и его Августейшей семьей, встретит образ Богородицы «Августовская» и узнает в нем именно тот образ из детского видения. Так она утвердится в мысли, что целью ее жизни всегда

Священноигумен Иринарх вручает Ольге Николаевне икону в память о посещении храма Архангела Михаила. 13 августа 2006 года

было служение просвещению русского народа правдой о последнем русском Царе и его Венценосной семье.

«Богородица покрывала меня все это время, потому что пережить все бомбардировки — сначала немецкие в Югославии, потом англо-американские в Германии и уцелеть, казалось невозможным. Мы много что потеряли, а однажды были завалены на 48 часов в погребах под обломками от бомбежек — пережить все это было очень не просто. Но Богородица всегда была с Покровом надо мной и довела меня до Екатеринбурга, до Царской Голгофы».

Возвращаясь к фактам биографии Ольги Николаевны времен Второй мировой войны, следует сказать о ее личном духовном подвиге во имя любви к ближнему, случившемся в 1945 году. Ее отец, есаул Николай Николаевич Пупынин, был ранен,

попал в плен и госпиталь. Узнав об этом, Ольга Николаевна на перекладных, а по большей части пешком прошла до Зальцбурга, где находился госпиталь, более 300 км пути, в том числе совершила переход через участок альпийских гор — в ветхой одежде, по заснеженным ущельям. «Ноги проваливались в снег, а корки ледяного наста до боли сдирали и резали кожу на ногах, — вспоминала Ольга Николаевна. — Но все-таки я его нашла, и мы встретились! То, что отец оказался в госпитале, позволило ему чудом избежать гибели».

Пережив ужасы военного времени и чудом оставшись в живых, семья Ольги Николаевны с группой таких же русских семей беженцев уезжает за океан в Южную Америку, куда после раздела Европы странами-победителями хлынул поток белоэмигрантов. Семья Ольги Николаевны оказалась

Ольга Николаевна Куликовская-Романова с духовенством и прихожанами Михаило-Архангельского храма.
13 августа 2006 года

в Венесуэле. Как говорила Ольга Николаевна об этом периоде жизни семьи: «Приехали на пустое место. Разместились, кто где смог. Сразу же из подручных материалов стали возводить церковь. Общими усилиями всех переселенцев наполнили ее церковной утварью: у кого что было, тот то и приносил. На собранные всем миром деньги был построен небольшой русский храм в честь иконы Божией Матери "Знамение" в Валенсии, который расписал собственноручно мой папа, Николай Николаевич. Через некоторое время в храме стали править службы... Жизнь на новом месте постепенно стала налаживаться...». Как в Югославии, так и в Венесуэле главным делом колонии стало сохранение основ русской духовности, русского мира. Колонисты жили церковной общиной и развивали духовно-культурные

и деловые связи с другими русскими общинами в рамках Русской Православной Церкви за границей. Для Ольги Николаевны этот период жизни был наполнен событиями, связанными с восполнением образования, которое было прервано годами войны. В Венесуэле она получила медицинское, коммерческое и архитектурное образование и к этому времени овладела семью языками: кроме русского и сербского, английским, немецким, французским, испанским и итальянским. Незадолго до прибытия в Венесуэлу Ольга Николаевна вышла замуж за Алексея Золотницкого-Скрябина, сына офицера Белой армии, инженера-топографа. В 1950 году у супругов родилась дочь Татьяна. В 1965 году в Каракасе умерла мама Ольги Николаевны Нина Конрадовна, а в 1968 году и отец Николай Николаевич.

Ольга Николаевна Куликовская-Романова, архимандрит Иринарх и А. В. Баженов.

18 сентября 2009 года

Вскоре семья Ольги Николаевны переехала в Канаду. Там она работала переводчиком в государственных учреждениях. Ольга Николаевна рассказывала, что ее знакомство с Тихоном Николаевичем Куликовским-Романовым состоялось потому, что ей нужно было передать ленту для Императорской семьи. «Когда я жила в Венесуэле, бывшие офицеры Ахтырского гусарского полка, шефом которого была великая княгиня Ольга Александровна, узнав, что я еду в Канаду, попросили меня передать ее сыну, Тихону Николаевичу, некоторые документы и полковые реликвии. Так мы познакомились и стали дружить семьями».

Сблизилась пара после того, как у обоих в течение одного года умерли супруги.

8 июня 1986 года в Торонто Ольга Николаевна вышла замуж за Тихона Николаевича

Куликовского-Романова, сына Ея Императорского Высочества Великой княгини Ольги Александровны.

О своем супруге Ольга Николаевна отзывалась так: «Человеком Тихон Николаевич был и остается в людской памяти замечательным. И это не только мое мнение как вдовы, но и всех, кто его знал. Получивший воспитание при Датском королевском дворе, Тихон Николаевич обучался в русских гимназиях Берлина и Парижа, окончил военное училище и дослужился в Датской королевской гвардии до чина капитана. Он занимал высокое положение в монархическом движении русского зарубежья, являясь арбитром Высшего монархического совета. Первым из династии Романовых на рубеже 1980–1990-х годов он откликнулся на обращение православно-монархической

Ольга Николаевна подписывает на память книгу
«Венценосные мученики». 18 сентября 2009 года

общественности России. Для многих Тихон Николаевич был и остается символом веры, порядочности и любви к Отчизне».

На вопрос «Насколько реально, на Ваш взгляд, восстановление царствующего Дома Романовых?» Ольга Николаевна отвечала: «В очередной раз хочу напомнить позицию моего супруга: ни монархические партии, ни ученые-историки и юристы не решат вопрос о будущем России, а только воля Божия и русского народа, высказанная свободно на державном церковно-государственном Соборе».

С момента встречи с Тихоном Николаевичем начинается главное дело жизни Ольги Николаевны, то, к которому готовила ее судьба, труд на ниве благотворительности и просвещения России, ознакомление русских людей с важнейшими аспектами жизни династии Романовых, в особенно-

сти же последнего Императора Российской империи Николая II и его сестры Великой княгини Ольги Александровны.

В конце восьмидесятых годов в переписку с Тихоном Николаевичем Куликовским-Романовым вступили члены монархического общества, образовавшегося в годы перестройки. Осенью 1991 года Тихон Николаевич учредил Благотворительный фонд «Программа помощи России» имени Ея Императорского Высочества Великой княгини Ольги Александровны, рабочим председателем которого назначил Ольгу Николаевну. И уже в начале декабря того же года он направил ее в Россию для организации контактов с церковными и общественными организациями, с представителями российских властей.

С этого момента Ольга Николаевна постоянно бывала в России, лично участвовала в оказании помощи больницам, приютам, иным организациям и отдельным людям. Когда 8 апреля 1993 года от внезапного обширного инфаркта скончался Тихон Николаевич, все заботы по руководству и организации деятельности Благотворительного фонда Ольга Николаевна взяла на себя и напряженную работу продолжала вплоть до начала 2020 года. Наиболее крупными благотворительными акциями Фонда общероссийского значения были помощь жителям и монашествующим Валаама, помощь жителям и насельникам Соловков, помощь пострадавшим от землетрясения на Сахалине. Причем никто из благотворителей не откликнулся на беду сахалинцев, а Ольга Николаевна через приходы Русской Православной Церкви за считанные дни собрала десятки тонн спасительного груза: теплые вещи, одеяла, медикаменты и продовольствие.

За первые десять лет своего существования Фонд направил в Россию медицинское оборудование и предметы первой необходимости на сумму в несколько миллионов долларов. Оказанная Фондом помощь нередко выручала людей из беды, а случилось и сохраняла жизни. В адрес Ольги

Николаевны бесконечным потоком поступали письма благодарности со всех концов нашей Родины.

У Ольги Николаевны было удивительное свойство особо проявляться в переломные моменты жизни нашего Отечества. В декабре 1991 года она появилась в самый момент агонии СССР. Ее приезд осенью 1992 года и встречи на Покров Пресвятой Богородицы с Владыкой Мелхиседеком (Лебедевым), архиепископом Екатеринбургским, стали знаменем начала церковного прославления святых Царственных Страстотерпцев в России. Об этом сам Владыка Мелхиседек говорил журналистам.

Приезд в ноябре 1993-го совпал с расстрелом «Белого дома». Позже, в отремонтированном «Белом доме» проходили заседания комиссии под председательством вице-премьера Ю.Ф. Ярова по вопросам расследования цареубийства, обязательным участником которых была и Ольга Николаевна.

Она пережила вместе с нами и две Чеченских войны, и выборы 1996 года, и захоронение «екатеринбургских останков» в Петропавловском соборе, и дефолт 1998 года — всё, что нам памятно о том времени. Ольга Николаевна была с русским народом в дни его радости и в дни горести.

У нее не было даже и тени того, что называется «пиаром» и нарочитостью — просто судьба России и ее жизнь в путях Божественного Промысла всё время сплетались в единую вервь. Вот и сейчас ее кончина как-то духовно высветила особый перелом в жизни нашего Отечества, который мы будем по-настоящему осмысливать многие годы спустя.

Начиная с 1992 года Ольга Николаевна принимала участие в Царских днях скорби и памяти Святых Царственных мучеников в Екатеринбурге. Каждый год 17 июля она участвовала в крестном ходе от Храма-на-Крови, поставленного на месте дома Ипатьева, до Ганиной Ямы, места страшного глумления над Императором Николаем II и его Царственной семьей, и вдохновляла участ-

ников крестного хода рассказами о жизни Великой княгини Ольги Александровны.

С великой любовью, трепетом и нежностью Ольга Николаевна рассказывала о дочери Александра III, Великой княгине Ольге Александровне, проводя выставки живописных работ венценосной художницы, вкладывавшей в них всю нерастраченную любовь к России, ее традициям и людям.

В эти моменты единения с Царской Россией Ольга Николаевна внутренне преображалась, наполняясь светом служения великой православной миссии просвещения России подвигом и наследием Николая II, его Царственной семьи и наследников Дома Романовых, сохранивших верность Богу, Державе и русскому народу вдали от России. Ее просветительская миссия снискала большую любовь многочисленных подлинных патриотов России — почитателей Николая II, чье имя и служение неразрывно связано с русской Державой и Русской Церковью. Благодаря Ольге Николаевне идея царской власти приобрела большое число сторонников в русском народе, прекрасно понимающих, что без восстановления самодержавия невозможно процветание страны и общества.

Последняя ее масштабная акция по организации выставки работ Ольги Александровны в Белгороде прилась на декабрь 2019 — январь 2020 года. Выставка сопровождалась беседами с посетителями, чтением лекций и требовала от Ольги Николаевны большого напряжения и полной самоотдачи.

Многие люди в России и за рубежом видели в Ольге Николаевне воплощение тех замечательных черт, которые были характерны для представителей Российского Императорского Дома. Жизненным девизом Ольги Николаевны были слова ее Августейшей свекрови: «Быть, а не казаться». И Ольга Николаевна неуклонно следовала этому девизу. Невзирая на немощи возраста, хронические болезни ног и сердца, она до последнего была в державном строю своего призвания.

Многолетние труды сотрудников Фонда и главным образом его председателя, Ольги Николаевны Куликовской-Романовой, на ниве благотворительности и милосердия были отмечены Патриаршей грамотой Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и церковными наградами.

Кроме работы в Благотворительном фонде, Ольга Николаевна проявила себя вдумчивым деятельным писателем, бережно и трепетно относящимся к фактам и историческим событиям. Из-под пера Ольги Николаевны вышла целая серия книг: «Чудо на Русской Голгофе» (1994), «Неравный поединок» (1995), «Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровна (1882–1960). Жизненный путь» (1997), «Под благодатным покровом» (2000), «Царского рода» (2004), «Живая душа. Встречи с Владыкой Иоанном (Снычевым)» (2005), «Духовник Императрицы» (2006). В перечисленных произведениях во всем своем величии предстают живые души русских самодержцев, их жертвенное служение России и горячая вера в Господа через вручение Ему собственной воли и следование во всем великому Промыслу Божию о России и русском народе. Книги Ольги Николаевны полны любви к царской династии Дома Романовых, к простым людям, окружавшим Царя, к тем подвижникам России, которые сохранили в себе свет Русского самодержавия, преданность русских монархов самодержавной

идее, являющейся продолжением Небесной власти на Земле.

Последняя книга «Четверть века служения России», вышедшая в свет совсем недавно, уже по блаженном успении Ольги Николаевны, подготовленная ею к 25-летию юбилею работы Фонда на ниве благотворительности и просвещения, стала своеобразным итогом ее славных дел на благо России, венцом ее отважной и полной жертвенного служения жизни.

Последним духовным приветом ко всем нам стало ее Пасхальное обращение 19 апреля 2020 года: «Дорогие друзья, сердечно поздравляю с Праздником праздников — Светлым Христовым Воскресением! Святой апостол Павел говорит: "Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша" (1 Кор. 15:14) Воскресение Христово — это основа всей нашей веры, нерушимая опора в нашей земной жизни, врата в жизнь вечную! Ровно 102 года назад разлученная Царская Семья встретила Светлый Праздник в Екатеринбурге, в доме Ипатьевых. В своем дневнике Государь записал: "Большое было утешение помолиться хоть в такой обстановке и услышать 'Христос Воскресе' ". Пусть сегодня подвиг Царственных мучеников служит нам напоминанием о том, через какие суровые испытания им пришлось пройти, восходя на свою Голгофу. Но даже в момент разлуки и заточения в их душах царили не отчаяние или ропот, была лишь твердая вера в Воскресшего Спасителя! Храни вас всех Господь!»

Валентина Николаевна Боровицкая родилась 18 января 1942 года в поселке Кемский Вологодской области. «Предки мои были крестьянами при Кирилловском монастыре на Вологодчине. Это поистине священная земля. Там нельзя не стать писателем. Моя бабушка рассказывала мне истории от ее бабушки про жизнь при монастыре. Это был совсем иной мир. К сожалению, я никогда не пройду по улицам моего детства. Во время великого советского затопления

наш поселок был залит водой навсегда. Там до сих пор торчат из воды верхушки старых колоколен — это всё, что осталось», — с грустью говорила о своей малой родине Валентина Николаевна.

Она родилась в суровое военное время и выросла без отца, погибшего на фронте. Однако тяготы и лишения только закалили характер пытливой, жизнерадостной и любознательной девочки. «Представляете, уже в четыре года я точно знала —

Ольга Николаевна Куликовская-Романова, Ольга Львовна Вышневецкая и Валентина Николаевна Боровицкая.
9 января 2020 года

Валентина Николаевна Боровицкая. Фото конца 1990-х годов

я писатель! И уже тогда писала стихи, — рассказывала Валентина Николаевна. — А в двенадцать лет мне подарили полное собрание сочинений Тургенева. И он меня сделал: я прочитала всё туда и обратно, и еще раз, и все его письма...»

В небольшом северном городке Бабаево, куда переехала ее семья после затопления родного поселка, в обычной провинциальной школе, благодаря учителю словесности зародилась и окрепла та огромная любовь к русской литературе и истории, которую Валентина Николаевна всю свою жизнь щедро отдавала своим многочисленным читателям.

Вспоминая о любимом учителе, она рассказывала: «В неизменно строгом костюме, в очках, входила она в класс — и начиналось священнодействие. Она рассказывала нам историю языка одновременно с историей России, и мы сидели, боясь пошевелиться, не смея пропустить ни одного ее слова —

мы отчетливо представляли, как древняя Русь медленно преобразуется в Русь Петровскую, и появляется первый поэт Ломоносов. Строчки стихов сменялись отрывками из летописей, а когда она брала мел и начинала строить на доске волшебные соединения из приставок и суффиксов, это походило на калейдоскоп, на музыку. Все выпускники нашей школы были исключительно грамотны, все говорили на правильном великорусском языке».

Не удивительно, что восторженная юная душа жила литературой, XIX веком, высокими чувствами, героическими поступками, честью и благородством минувших времен. А заложенная с детства жажда поиска исторической правды и огромное желание быть писателем привели к выбору жизненного пути. В 1962 году Валентина Николаевна поступила на филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова: «И вот тут началась настоящая жизнь —

университет, Ленинская библиотека, архивы... Счастливые это были годы. Я уверена, что мы ни разу за эти пять лет не спали больше шести часов, нам было не до сна. Зато ни одна выставка, ни один спектакль не пропущен. Мы обошли пешком всю Москву и объехали все Подмосковье, где были хоть какие-то следы Истории. Мы всё читали, всё видели, всё знали».

Поэтический дар Валентины Николаевны проявлял себя уже в студенческие годы. Как и все молодые поэты, она пыталась печататься, но, столкнувшись с невежеством, цинизмом и пошлостью чиновников от литературы, избрала судьбу «внутренней эмиграции» и на протяжении двадцати пяти лет писала «в стол», не надеясь увидеть опубликованной ни одну из своих книг.

После окончания университета более двадцати лет Валентина Николаевна работала редактором в Государственной научно-технической библиотеке. «Но счастье писать всегда было много выше счастья видеть написанное изданным», — говорила она.

В годы перестройки Валентина Николаевна основала первое в России частное издательство «Страстной бульвар». Первой книгой, увидевшей свет, был «Эпилог» — история старинного дворянского рода, последним представителем которого был И.С. Тургенев, а в 1991 году появился первый томик стихов, изданный на собственные средства. На обложке — фото прелестной, немного задумчивой, романтической, еще юной Валентины Николаевны и надпись: «Я глубоко сожалею, что встреча читателей с этой книгой опоздала на два десятилетия, но счастлива, что встреча всё же состоялась». Предисловие к этой книге, написанное одним из университетских педагогов Валентины Николаевны, доктором филологических наук А.П. Авраменко, заслуживает того, чтобы быть процитированным хотя бы частично: «Лет двадцать назад я познакомился с лирикой Валентины Боровицкой. Она тогда переживала романтические горести студенческой молодости,

и трепетность чувства выплеснулась в стихи. Меня поразило уверенное обращение молодого автора со словом, первый признак истинного литературного таланта. Ее талант обнаженно лиричен. Ее стихия — компактность формы и огромность мысли и чувства. Четырех, а иногда и двух строк ей достаточно, чтобы засветился целый срез жизненных впечатлений».

Вслед за первой книгой стихов появились на свет еще две: «Элегии» и «Старинная тетрадь», а затем и произведения в прозе: «Старые камни», «Камергер Федор Иванович Тютчев» и любимый многими роман в письмах «Синяя тетрадь с бронзовой застежкой». Написанный в редком эпистолярном жанре, этот роман с первых страниц захватывает читателя своей искренностью, исповедальностью, изяществом языка и романтической историей, где через судьбы главных героев описывается судьба и самой России. Читателю открываются малоизвестные страницы истории нашей страны: от золотого века Екатерины Великой до времен Гражданской войны, о вождях, героях и мучениках Белого движения, до конца защищавших свою Россию. Но это не просто рассказ о Белом движении, горькой судьбе русской интеллигенции, героизме и подвигах офицеров — это ни что иное, как плач по ушедшей эпохе, по благородству и чести, высоким духовным идеалам и людям, подобных которым сегодня уже не найти. Валентина Николаевна пишет о русской истории и судьбах людей со свойственной ей эмоциональностью, сопереживая и не боясь давать нравственные оценки поступкам своих героев, она листает страницы прошлого, и исторические личности превращаются в живых людей со своими достоинствами, недостатками и неповторимой харизмой. «Я не ожидала такого успеха, — признавалась Валентина Николаевна, — когда я писала эту книгу, то сама плакала, видимо, мое отношение передалось и читателю».

Сложные и трудные пути русской истории и культуры, невероятные перипетии

людских судеб на острие эпох всегда привлекали внимание Валентины Николаевны, как автора. Ее писательский интерес к правдивой истории Гражданской войны, уважительное отношение к русской эмиграции, ее одухотворенности, совестливости, высокому патриотизму укрепило и издание «Истории казаков». Этот обширный исторический труд был написан в Париже Андреем Андреевичем Гордеевым, потомственным донским казаком, офицером-фронтовиком, служившим в Донской белоказачьей армии. Еще при жизни автора книга стала заметным явлением в изданиях белой эмиграции. В «Истории казаков» удивительным образом соединились и военная летопись России, и хроника ратных дел русского казачества, повествование не только о важнейших сражениях, но и о малых боях, принесших славу русскому оружию.

Сама Валентина Николаевна об этом издании говорила так: «После выхода книги "История казаков" меня разыскала невестка автора Ариадна Николаевна. Удивительная женщина. Она родилась на пароходе во время эмиграции первой волны. После Первой мировой войны экономика Европы была разрушена. Работы не было даже для своих, чего уж говорить о сотнях выходцев из России! И русским, лучшим людям, пришлось забыть о достоинстве, стать последними песчинками в обществе и начинать всё с самого низа. Боже, что им пришлось делать! Недалеко от берега Болгарии затонуло два немецких судна, груженных боеприпасами. Правительство страны объявило награду тем, кто эту взрывчатку со дна моря поднимет. Боялись все, потому что от малейшей волны всё могло рвануть. На эту работу согласились только русские блистательные офицеры, награжденные Георгиями. Они ныряли и вытаскивали по одному проржавевшему снаряду и раскладывали на пляже. Весь пляж был усыпан этой взрывчаткой. Правительство объявляет новую награду — разминировать. И снова соглашались только наши офицеры. Все боеприпасы ржавые, технически это невыполнимо.

И вот подрывается один офицер, второй, третий. И все-таки они нашли способ, как это сделать и не погибнуть. Они действительно заработали кучу денег, но не потратили на себя. Вместо этого поехали во Францию, куда стекались новые эмигранты из России, и все средства пошли, чтобы вытаскивать своих из нищеты. При этом, чтобы экономить деньги, офицеры царского Генштаба жили под Парижем в бараке, куда крысы приходили греться. По сути они создали эмигрантское братство, равное которому было разве что в первых веках христианства.

Знаете, наша жизнь — колесо, которое медленно-медленно движется. Иногда людям выпадает родиться на самой высоте колеса. Но колесо неумолимо движется, и там, наверху, никто не останется. В нищете эмиграции оказались министры, профессора, князья по крови. Но колесо сделало свой круг, и они сумели подняться с этого дна. На образование детям они откладывали по копейке. Андрей Гордеев работал простым таксистом, извозчиком в Париже. А теперь у его сына дом в Париже на берегу Сены с видом на Эйфелеву башню».

В этом простом, но восторженном повествовании о храбрости и достоинстве боевых русских офицеров, об их взаимовыручке, готовности к жертве «за други своя» выражается огромная сила сопереживания и внутренний духовный настрой самой Валентины Николаевны.

В мае 1995 года Валентина Николаевна Боровицкая стала членом Союза писателей России по рекомендации Виктора Розова. Эта рекомендация была очень краткой и в то же время емкой: «Не мы оказываем честь Валентине Боровицкой, принимая ее в наш Союз, — это она оказывает нам честь, в него вступая», — написал Розов и был единогласно поддержан высоким собранием.

За долгие годы неустанного писательского труда из-под пера Валентины Николаевны вышло множество блистательных произведений — глубоких и проникновенных. За каждым из них стоит кропотливая

Валентина Николаевна Боровицкая в здании воскресной школы храма Архангела Михаила. Фото 2019 года

Валентина Николаевна Боровицкая с духовенством и прихожанами Михаило-Архангельского храма.

Фото 2019 года

работа с отечественными и зарубежными историческими источниками, архивными документами, письмами, хрониками, дневниками, мемуарами. Логическим, смысловым продолжением романа в письмах «Синяя тетрадь с бронзовой застежкой» стал роман «Перекресток», задуманный автором как вторая часть трилогии. Валентина Николаевна считала, что он должен был быть написан мужчиной. Почему? «Потому что это жесткая, бескомпромиссная и очень откровенная книга. Эпилогом для неё могло бы послужить изречение: "Всё, что вы знаете об истории есть ложь". Здесь показаны совершенно другие цари и царицы. Здесь трон — не иначе как электрический стул, а женщина в короне — государственное имущество. Обнаженная правда, беспощадная явь — в этом романе есть все, что заставляет мыслить по-новому. Да, в его силах перевернуть ваше сознание, очистить его от "пыльных" слоев образовательных стандартов».

За свою долгую писательскую жизнь Валентина Николаевна оказалась очень плодовитым автором, открывшим для большого круга читателей малоизвестные факты истории России через нетривиальные литературные темы и формы. В ее творческом арсенале немало талантливой поэзии, романов, повестей, рассказов, а также пьес, кото-

рые воспитывают высокие идеалы в душе русского народа и до сих пор с неизменным успехом ставятся на малых и больших сценах российских городов.

Валентина Николаевна не признавала никакой рекламы и всегда считала своим долгом лично встречаться с читательской аудиторией и через живое общение и личный рассказ доносить идею и главные смыслы своих произведений. С лекциями и презентациями книг она объехала всю Россию: многократно выступала в Вологде, Архангельске, Хабаровске, Екатеринбурге, Волгограде, Томске, Владивостоке и других городах. Она с улыбкой называла себя «бродячим проповедником русской литературы», и даже проводя летние месяцы на даче в Абрамцево, устраивала в своем доме литературные чтения для многочисленных обитателей дачного поселка. Она искренне верила и подтверждала своим личным опытом, что только живое общение и живой литературный язык могут не только развернуть молодые поколения в сторону русской истории и русской литературной классики, но и являются ключом к воспитанию молодых людей в духе патриотизма и следования героическим примерам исторических подвигов русских людей.

Вот как она однажды сама проиллюстрировала это свое убеждение: «В рамках

презентации своей книги "Эпилог" я была на сборном пункте под Волгоградом, с которого отправляли ребят на войну в Чечню. Встречает меня полковник и грубо орет: "Ну че приехали, они (солдаты) всё равно слушать не будут, им это не надо". Посадил он 500 мальчишек и ушел. Полтора часа я им рассказывала, а они всё сидят как вкопанные. Продолжаю дальше про мужество, про Отчизну. Привела им слова афонского монаха отца Паисия, что "мужество, доблесть, смелость, честь, Отечество — это дар Божий, и он даётся не всем народам. У многих из них и слов-то таких нет". А мальчишки всё сидят <...> Я привезла в часть сто экземпляров "Эпилога". И они все уехали в Грозный. Часто думаю, что стало с ними, с этими мальчишками. Но твердо уверена, что их патриотический дух я разбудить сумела».

Насыщенный литературными и историческими открытиями творческий путь Валентины Николаевны не мешал ей оставаться женщиной во всех ее ипостасях: быть замечательной любящей супругой, заботливой матерью и самой доброй бабушкой. С Михаилом Михайловичем Соловьевым, инженером-конструктором космических кораблей команды Сергея Павловича Королёва, они прожили долгую совместную жизнь. Михаил Михайлович всегда был опорой для Валентины Николаевны и поддерживал ее в трудные годы издательского вакуума. Они воспитали достойного сына, геолога по образованию, подарившего им трех замечательных внуков.

Без преувеличения можно сказать, что эти две замечательные женщины олицетворяли собой целую эпоху исторической России. Они своей жизнью явили нам примеры жизненной стойкости и несгибаемости духа, беззаветного служения и любви к Отечеству и непоколебимой веры в духовное возрождение России.

Пройдут годы, но духовные плоды их жизни и деятельности еще долго будут нести мощный заряд патриотизма и высокого русского духа грядущим поколениям россиян.

Вечная память приснопоминаемым рабам Божиим Ольге и Валентине!

А. В. Баженов и С. Р. Баженова

В следующих номерах «Правды Православия» редакция издания будет знакомить своих читателей с воспоминаниями О. Н. Куликовской-Романовой и поэтическими произведениями В. Н. Боровицкой

Валентина Николаевна свято верила, что все перипетии настоящего времени закончатся, и Господь не оставит Россию Своей милостью.

На вопрос: «А кто герои нашего времени?» — она твердо отвечала: «Люди, которые верят в свет, пусть хотя бы просто способные отличить его от тьмы. Мы на перепутье. Большинству кажется, что всё плохо и будущего нет. Мы сейчас переживаем апокалипсис. И мы его заслужили. Но я думаю, и "это пройдет", как сказал Соломон. Господь, несомненно, нас помилует, потому что достойных людей много, но и нам всем надо делать что-то хорошее для этого. Мы много десятилетий были, как в инкубаторе: квартиру, работу, образование нам давали, а не мы сами их добивались. Нас лишили собственной воли и инициативы. А это всегда плохо заканчивается для народа. И итоги этого мы наблюдаем сейчас — апокалипсис. Это ужасно и это прекрасно. Но я верю, все беды России обернутся к славе ее. Такое уже было в истории России. Вспомните 1612 год. Вся Россия завоевана поляками. В результате смуты погиб каждый второй, из 16 миллионов уцелело восемь! От страны осталось несколько губерний в центре да Сергиев Посад, за который враги бились-бились, но так и не взяли!

Я вас уверяю, мы выйдем из этого кризиса крепкими и очень сильными. Главное, каждому по мере своих сил успевать делать Добро»!

ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ТИПОГРАФИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Продолжение, начало в № 1(89)(2020)

*«Добро есть почитание книжное, паче же всякому христианину...
Да не будет убо нам инья радости и веселия, якоже о почитании книжном»¹.*

Златоуст, древнерусский учительный сборник

*«Раскольнические рукописные книги, ежели у кого суть, тем людям объявлять оные в городах
духовным управителям, <...> и никто б у себя таких о расколе сумнительных и подозрительных книг
и тетрадей ни тайно, ни явно, ни под каким видом держать не дерзали,
под опасением жестокия казни»².*

Указ Святейшего Синода от 13 октября 1724 г.

Со времен патриарха Никона до начала правления императрицы Екатерины II борьба правительства против старообрядцев включала в себя не только преследования приверженцев древнерусских богослужебных традиций, но также поиск и уничтожение старопечатных книг, изданных до 1653 года.

С течением времени численность дораскольных богослужебных книг значительно уменьшилась из-за их массового изъятия, а также по причине естественного ветшания. Старообрядческие общины старались разрешить эту проблему хотя бы отчасти с помощью переписывания, однако рукописные книги, разумеется, не могли служить выходом из создавшегося положения, тем более, что и они были запрещены.

Богослужебные потребности многочисленных старообрядческих общин обширной Российской империи стали причиной появления старообрядческого книгопечатания в начале XVIII века — в Могилеве и Чернигове. В Могилеве были напечатаны Часовник (два издания в 1701 году) и Псалтырь (1705), перепечатанные еще раз в 1717 году в Черни-

гове и в 1730-х и 1760-х годах вновь в Могилеве. Известно, что заказчиком могилевских и черниговских изданий был калужский купец Ераст Кадмин. В издании могилевского Часовника 1701 года на месте сигнатур проставлены буквы, из которых складываются его имя, отчество и фамилия. Однако в первой половине XVIII века это были лишь отдельные попытки наладить старообрядческое книгопечатание, пресекавшиеся обычно вскоре после выхода очередной книги.

Со времени царствования Екатерины II старообрядцы получили большую степень свободы, благодаря чему стала возможна печать старообрядческой литературы, хотя переиздание дореформенных книг было связано с очень многими трудностями. Удовлетворить нужду в богослужебной литературе было очень тяжело; в России были миллионы старообрядцев, людей по большей части грамотных и книжных.

В конце XVIII — начале XIX века часть старообрядческих книг печаталась собственноручно старообрядцами в принадлежавших им типографиях, которые по большей части были нелегальными. Другая же часть книг

издавалась по дореформенным образцам в типографиях униатских монастырей. Известен факт издания старообрядческих книг в еврейской типографии города Янов.

Для униатских монастырей издание старообрядческой литературы являлось большим подспорьем, поскольку уния была непопулярна и их собственная литература продавалась плохо. Старообрядцы сами участвовали в отливке шрифтов в Польше и Литве на основе образцов рукописных книг. Чаще всего в качестве основы использовался полуустав конца XVI–XVII столетий.

Первые старообрядческие печатные издания, соответствующие дореформенным образцам, вышли в свет в городе Вильно. Репертуар этих книг достаточно велик. Примечательно, что старообрядцы при своем гонимом положении сохраняли очень широкий кругозор. Печатались не только богослужебные книги, но и большое количество наименований творений святых отцов. Первое из них датируется 1767 годом (Вильно, типография униатского Свято-Троицкого монастыря) — Поучение аввы Дорофея. Там же были изданы Поучения Ефрема Сирина, Псалтырь, Часовник, Шестоднев.

В 1790-х — начале 1800-х годов выпуск старообрядческих книг в Вильно по неясным причинам прекратился. Всего же там было напечатано около 50 изданий.

В супрасльском униатском Благовещенском монастыре (нынешняя Польша) старообрядческое печатание начинается в 1772 году изданием Часослова и заканчивается в начале 1790-х годов. За это время здесь вышло около 50 изданий.

Еще одно место старообрядческой печати — типография Успенского Почаевского монастыря, который на тот период тоже был униатским. Изданные в этой типографии старообрядческие книги датируются 1780-ми годами, после чего, за двумя исключениями, выход книг прекратился. В Почаеве были изданы Псалтырь, «Пандекты» и «Тактикон» Никона Черногорца³.

В книгопечатне города Гродно издания для старообрядцев выходили с 1788 по

1802 год. Всего здесь вышло в свет 20 наименований, в частности: Псалтырь, тиражом 500 экземпляров, «Катехизис» Лаврентия Зизания, «Кирилова книга», «Книга о вере», «Служба всем святым российским чудотворцам», «Служба и сказание о Тихвинской иконе Пресвятой Богородицы».

С середины 1780-х годов началось книгопечатание в типографии П. Дюфора в Варшаве. В 1785–1788 годы здесь вышло шесть изданий, и в конце 1790-х годов была перепечатана книга Псалтырь.

В 1793 году неподалеку от Бердичева Киевской губернии в уездном городе Махновка была открыта типография, выполнявшая заказы для старообрядцев. Однако просуществовала она недолго, терпела разорение, меняла владельцев, и в 1805 году ее оборудование было перевезено в город Янов, где с перерывами старообрядческое книгопечатание продолжалось до конца второго десятилетия XIX века. По сообщению Киевского гражданского губернатора министру полиции от 6 июня 1817 года, в Махновке до 1810 года действовала старообрядческая типография, принадлежавшая московскому купцу Селезневу. После этого времени шрифты перешли в собственность киевского купца Колычева, который устроил типографию в местечке Янов. В ней печаталась богослужебная литература, а также «Страсти Христовы», «Василия Нового поучения», «О лжеучителях» священноинока Дорофея, «Иоанна Златоуста поучения», Евангелия толковые, творения преподобных Ефрема Сирина и аввы Дорофея⁴.

В конце 1780-х — первой половине 1790-х годов несколько старообрядческих изданий (Псалтырь, Триодь постная и «Собрание науки об артикулах веры») были отпечатаны в Молдавии — в Яссах, Дубоссарах, а также в Могилеве-на-Днестре.

В 1822 году правительством была обнаружена еще одна нелегальная типография К. Колычева в Майдане Почапинецком, где были напечатаны и найдены при обыске Златоуст, Азбука, Псалтырь, Страсти Христовы, Канонник, Часовник.

Генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский.
С 1764 года генерал-губернатор Малороссии

В 1780–1790-х годах старообрядцы начинают создавать собственные типографии в Стародубье (нынешняя Брянская область). В местечке Клинцы Суражского уезда Черниговской губернии существовали старообрядческие типографии купцов Д. Рукавишников, Я. Железникова и Ф. Карташева. Они были основаны в 1785–1786 годах после императорского указа 15 января 1783 года о вольных типографиях. Старообрядческим типографиям в то время покровительствовал генерал-губернатор Малороссии П. А. Румянцев-Задунайский.

В 1784 году купцы В. Я. Железников и Д. С. Рукавишников подали прошение о разрешении открыть типографию, в которой они собирались печатать книги, «именуемые Прологи». Сурожское наместническое правление разрешило просителям выдать, но с запрещением печатания церковных книг. Тогда В. Я. Железников и Д. С. Рукавишников подали жалобу генерал-губернатору П. А. Румянцеву и благодаря его содействию

5 августа 1785 года получили дозволение на печатание книг по дореформенным образцам. Через год или два эта типография, вероятно, разделилась на две самостоятельные печатни, что свидетельствует об успехе их деятельности. Однако период свободного книгоиздания продолжался совсем недолго. После того, как 27 июля 1787 года вышел указ Святейшего Синода о запрещении продажи церковных книг в том случае, если они напечатаны не по инициативе Синода или Комиссии народных училищ, было заведено следственное дело о печатании «запрещенных книг» в Клинцах. В начале 1788 года было произведено «освидетельствование» клинцовских типографий. При обыске были обнаружены литеры, инструменты для их литья и экземпляры отпечатанных книг. Все найденные книги и материалы были конфискованы, но значительную часть оборудования владельцам типографии удалось спрятать. Изъятые типографские материалы в 1789 году были возвращены при условии, что старообрядческие книги печататься не будут, однако они использовались типографиями в Яссах, а потом в Дубоссарах, Махновке и Янове.

Д. Рукавишниковым и Я. Железниковым за легальный период было отпечатано около 40 изданий.

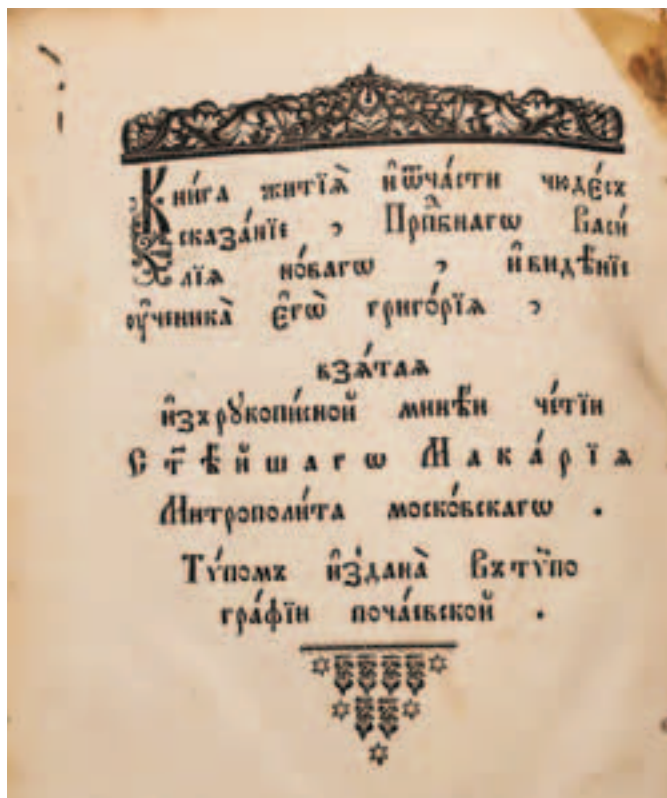
После 1788 года в Клинцах продолжала деятельность только одна типография, принадлежавшая купцу Федору Карташеву, который получил разрешение в 1786 году. За первые два года достоверно можно назвать только одно издание — Псалтырь с воследованием, печатание которой было закончено 5 июля 1787 года. Это единственное издание, в котором были указаны настоящее время и место выхода книги, а также имя самого Ф. Карташева. В дальнейшем, после освидетельствования клинцовских типографий в 1788 году, когда Д. Рукавишников и Я. Железников вынуждены были прекратить свою издательскую деятельность, типография Ф. Карташева работала очень активно — в 1789–1797 годы ею было выпущено более 60 изданий с ложными выходными

данными: в качестве места издания указывались Почаев, Львов, Гродно, Супрасль, Кутейно. Современные исследователи старообрядческой книжности чаще всего узнают о происхождении той или иной книги по косвенным признакам, прежде всего по бумаге и наборному материалу.

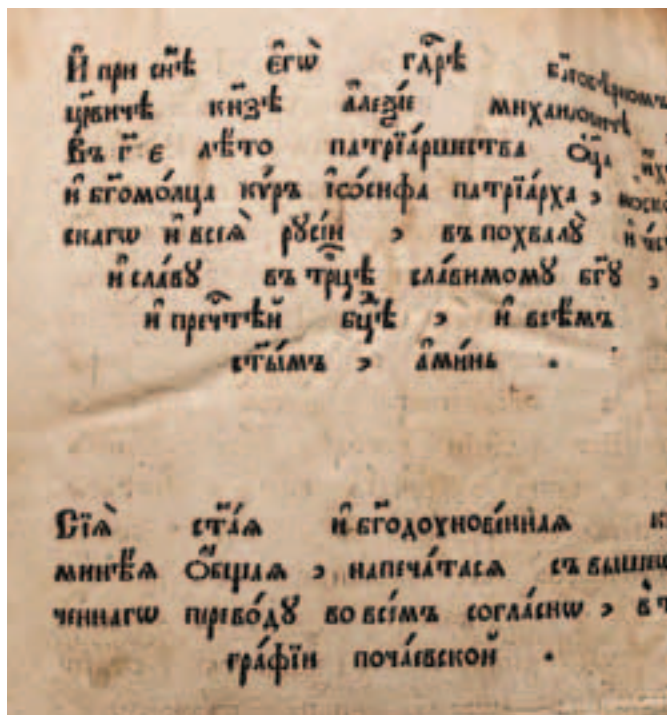
Одной из особенностей репертуара карташевских изданий было то, что с середины 1790-х годов печатались не только книги, изданные ранее Московским Печатным Двором, но также новые — набранные с рукописных образцов. Впервые в типографии Ф. Карташева было издано «Житие Василия Нового», которое потом неоднократно перепечатывалось в Московской единоверческой типографии. Здесь же были изданы две редакции «Златоуста», то есть поучения на все воскресные дни года, также с рукописей. Ф. Карташевым впервые были напечатаны «Устав о христианском житии» и «Страсти Христовы». Последняя книга получила огромное распространение в старообрядческой среде. В типографии также издавались разные виды Псалтыри, Часовника, «Цветников», дополнявшиеся местами из Пролога.

Всего в начале XIX века клинцовской типографией было выпущено более 50 изданий. В целом благодаря деятельности Федора Карташева и его сына Акима старообрядцы получили более 110 изданий.

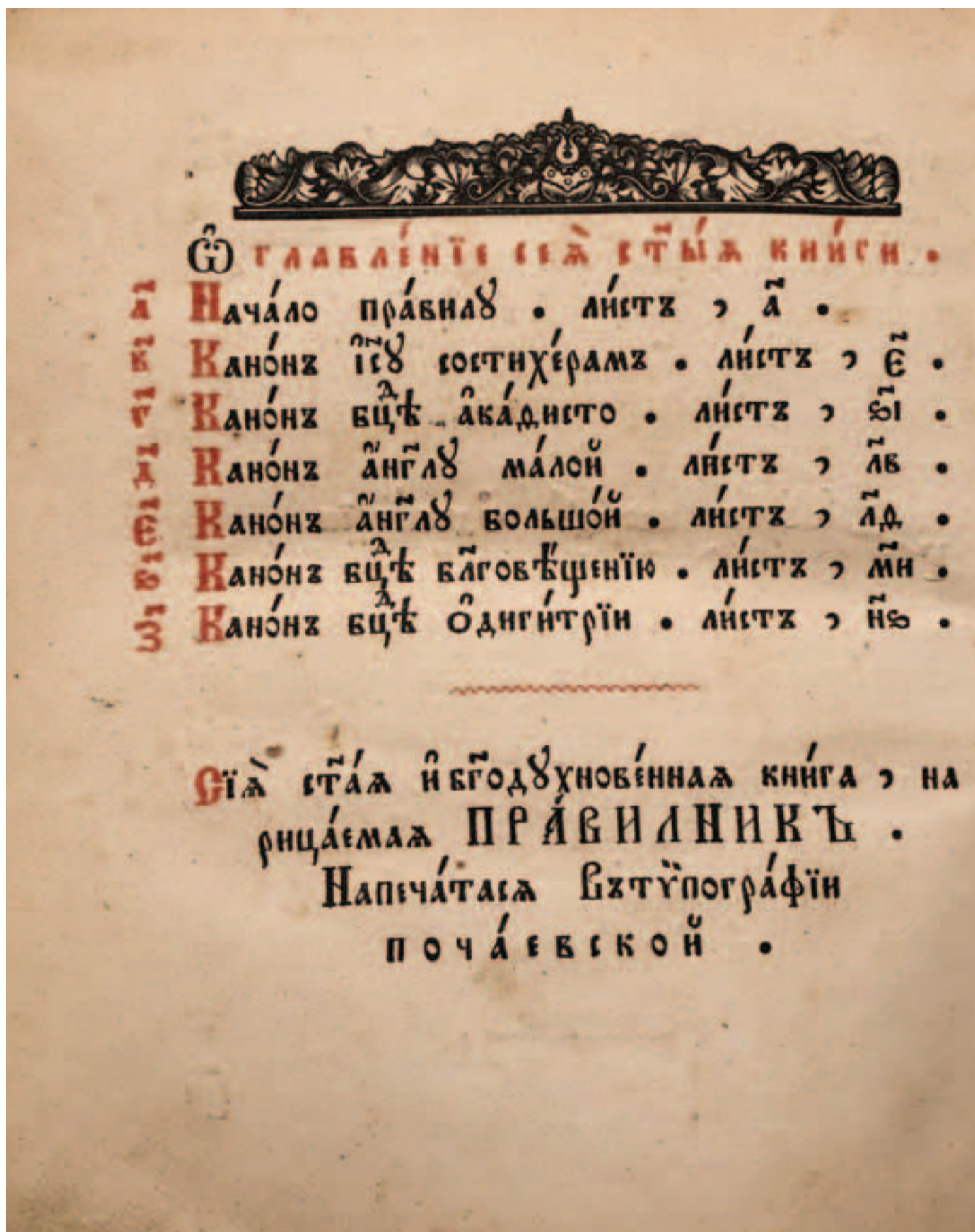
Старообрядцы того времени имели пристрастие к печатной книге, «они были уже людьми книгопечатной эпохи»⁵, хотя сама печатная книга ориентировалась на рукописные образцы. Если в целом в XVII веке книги по большей части принадлежали храмам, а не частным лицам, то «у старообрядцев книга превратилась в неотъемлемую часть их быта; как правило, она покупалась в сугубо личное пользование, поскольку из-за возникновения порою затруднений в том, чтобы участвовать в соборном богослужении, особую роль в старообрядчестве стало играть исполнение домашней молитвы, в которую со временем были перенесены отдельные

Страница старообрядческого издания жития
Василия Нового с выходными данными.
Местом издания указан Почаев

Общая минея. Страница старообрядческого издания
с выходными данными.
Местом издания указан Почаев

Правильные каноны. Страница старообрядческого издания с выходными данными.
 Местом издания указан Почаев

обыкновения келейного правила»⁶. Изданные в Могилеве в типографии Максима Воцанки по заказу калужского купца Е. Кадмина книги представляли собой выборку из нескольких изданий. Таким образом, «уже на самом раннем этапе развития в старообрядческой книжности культивировалось книготворчество»⁷. По этой причине припечатки издателей в том, что книги печатаются со старых «ни в чем отменно» часто не соответствовали действительности. Историк старообрядческой книжности А.В. Вознесенский показал это на примере изданий службы, жития и чудес святителя Николы Чудотворца⁸. Источник новых переизданий чаще всего не указывался. Интересным фактом является то, что если Канонники московской печатной традиции включали в себя молитвословия, необходимые для домашней молитвы недельного цикла богослужений, то старообрядцы заменили их избранными канонами годового богослужебного цикла. Седмичные каноны при этом вошли в состав старообрядческого Часовника.

Примечательно, что старообрядцы хорошо разбирались в тонкостях изданий Московского Печатного двора. Как было отмечено современным исследователем, «познания в истории Печатного двора оказались у старообрядцев еще более глубокими и основательными, чем можно было бы предположить»⁹. Например, старообрядцы издали «Катехизис» Лаврентия Зизания — «издание, так и не вышедшее из типографии и известное лишь по единичным, чудом сохранившимся экземплярам. При этом они сумели указать и точное время, когда на Печатном дворе производились работы над этой книгой... Можно с полным основанием утверждать, что и «Азбучный Патерик» и «Альфа и Омега», книги, которые впервые были изданы старообрядцами, действительно готовились в Москве к печати, но по известному стечению обстоятельств там выпущены не были»¹⁰.

Старообрядческие типографы смело экспериментировали с форматами книг,

шрифтами, декоративным оформлением и содержанием. «Эти вносимые в книги изменения, несомненно, не были произвольными и случайными... Они были следствием напряженной культурной деятельности старообрядцев»¹¹.

После указа Павла I о запрете партикулярных типографий чиновники по особым поручениям всячески стремились старообрядческие типографии закрыть. В 1797–1799 годах Ф.К. Карташев работал в типографии Черниговского губернского правления. Военный губернатор Миклошевский узнал об издании книг для старообрядцев, после чего был произведен обыск в доме Карташева в Клинцах и конфискованы обнаруженные там два печатных стана и книги. Закрыта была и черниговская гражданская типография, несмотря на то, что она Карташеву не принадлежала.

На некоторое время наступает пауза в издании старообрядческих книг, но в 1800 году все изъятое было возвращено Ф. Карташеву, поскольку следствие выявило, что типография действовала с разрешения Суражского земского суда, полученного в 1787 году.

В начале правления Александра I 2 июня 1801 года был издан Императорский указ, разрешавший в Клинцах возобновить старообрядческое книгопечатание при контроле Святейшего Синода. Это было парадоксальное распоряжение, поскольку большинство церковных иерархов, членов Святейшего Синода были против этого дозволения.

В 1802 году клинцовские старообрядцы обратились с ходатайством к генерал-губернатору Малороссии князю А.Б. Куракину об открытии типографии. Тот в свою очередь в докладе императору просил дозволения на возобновление работы старообрядческой типографии в Клинцах. 2 мая 1803 года министр внутренних дел граф В.П. Кочубей сообщал князю А.Б. Куракину, что император разрешил возобновление деятельности типографии при соблюдении следующих правил: «1) основать типографию от общества,

Князь А. Б. Куракин.

В 1802–1807 годах — генерал-губернатор Малороссии

а не как принадлежность частного человека; 2) ограничить по настоящему количеству старообрядцев и их церквей число отпечатываемых книг, присоединяя к тому, чтобы имели право на получение нужных книг и все не пользующиеся именем обращенных к Церкви, и 3) присоединить для большего старообрядцев уверения к духовной цензуре члена со стороны гражданской цензуры»¹².

1 августа 1803 года князь А. Б. Куракин получил Записку от Святейшего Синода, что «когда Святейший Синод получит от него, князя Куракина, уведомление, то и с своей стороны не оставит к должному исполнению Высочайшей Его Императорского Величества воли учинить надлежащее распоряжение»¹³. Однако к Записке Святейшего Синода было приложено мнение Ярославского архиепископа Павла (Пономарева) с открыто выраженным недовольством. Архиепископ Павел отмечал те моменты, на которые следовало обратить внимание церковной и гражданской властям: Клиновская типография существовала

Князь В. П. Кочубей. В 1802–1812

и 1819–1825 годах — министр внутренних дел

с 1783 года «потаенно, вопреки закона...

1) Если сие общество есть Клиновское, или раскольническое, общим церковным правилом несогласующееся, то дарованием ему права типографии не предполагается ли и политическое его сознание? 2) Когда чрезмерно умножится в сей типографии книгопечатание и продажа из нее церковных книг усилится, то спасительная цель о пришедших в соединение и единоверческих церквях может ли быть достигнута, или паче не опровергнется ли?.. Опыт доказал, да и ныне у всех в виду, что потаенно напечатанные и в публику выпущенные прежде из сей типографии книги, почти утроили число противящихся церкви. <...> Поводом таковому полаганию послужили вышесказанные вышедшие из сей прежде потаенной типографии и пущенные в публику книги, иные хотя и Церковию принятые, но с искажением, или опущением их обличающих текстов для поддержания их суеверия; другие, хотя также известных писателей, но Церковию не признанные и никогда в печати не

бывшие; напечатанные же ими своемысленно и также с порчею против подлинных переводов; третьи безымянные, неизвестные, противные учению христианскому и церковной истории, противонравственные, как-то: цветники, каноны разным святым и на разные случаи, кои все напечатаны, якобы с книг древних, употреблявшихся до Никонова книгоисправления в России, но никем и никогда не свидетельствованные; четвертые вновь сочиненные на Церковь с выбором слов урывками из Священного Писания и даже укорительные царской власти и все ложью, клеветами наполненные, такого рода Соловецкая челобитная, страдания соловецких мучеников... Будет ли иметь силу определение Святейшего Синода у такого общества, которое почитает себя вне церковного правительства и вне обязанности повиноваться Святейшему Синоду?»¹⁴. В отношении предполагаемого порядка изданий было сказано следующее: «Печатание книг может быть производимо одних только дозволенных и необходимых для богослужения, без малейшей в них перемены, в чем виновные ответственать будут по законам, а по отпечатании каждого такового названия книги, должно будет в свое время прислать в Святейший Синод по два экземпляра для проверки с прежними»¹⁵. Нужно заметить, что это требование владельцами клинцовой старообрядческой типографии никогда не исполнялось.

Поскольку окончательных решений ни от гражданской власти, ни от Святейшего Синода не последовало, печатание книг в клинцовой типографии продолжалось. В 1802–1803 годах Федор Карташев возобновил свою печатную деятельность. Клинцы вновь становятся крупным центром изданий по старопечатным образцам. В новой типографии издавались книги с указаниями: «С Верховного дозволения», «В типографии, позволенной Высочайшей Властью».

После смерти Федора Карташева в 1805 году его дело продолжил сын Аким Карташев. В 1806 и 1811 годах он обращался в Черниговское губернское правление

Архиепископ Ярославский Павел (Пономарев).
В 1792–1803 годах — член Святейшего Синода

с просьбой о дозволении на продолжение деятельности типографии, но ответа не получил. Святейший Синод 28 июня 1812 года издал указ о необходимости оставить типографию запечатанной, ссылаясь на незаконную деятельность типографии с 1805 года, и на то, что в Синод не предоставлялись контрольные экземпляры, а также печатались недозволенные издания с самовольными прибавлениями. При этом, несмотря на отсутствие разрешений, после каждой процедуры освидетельствования типография Карташева возобновляла свою работу.

В то время, когда клинцовой типографией управлял А.Ф. Карташев, произошли изменения в системе надления изданий ложными выходными сведениями. Из них исчезло упоминание о «Высочайшем дозволении», в качестве же места издания стал указываться «Почаев», а время издания не указывалось вовсе.

Когда в 1817 году вновь началось новое следствие по делу клинцовой типографии, Аким Карташев был вызван

к черниговскому генерал-губернатору. Карташев «был им во всех предметах по сему случаю с тою снисходительностью, которая в таковых делах требуется, допрошен и показал следующее. Он и отец его дозволения на устройство типографии не имели, а в 1804 году узнали они, что Государь Император дозволил в Клинцовой слободе типографию, но объявления о том ни от кого не было, и было ли отцу его о том объявлено, — не знает. Типография отцом его устроена в 1805 году на шести станах, а три стана прибавлены им в 1809 году, и о том, подавал ли отец его кому объявление, — не знает; он же не подавал, но просил Черниговское Губернское Правление о дозволении иметь ему типографию в 1806 и 1811 годах. Почему объявлен ему Указ Синода о том, что представлено бывшему Генерал-Губернатору князю Куракину, но как от одного, так и преемника его он ничего не слышал и производил книгопечатание потому, что и умерший в 1805 году отец его при жизни своей производил оное. Книгопечатание производимо было ни под чьим надзором и книг печатанных для свидетельства никуда не представлял, а перепечатывал существующие сам по уверенности, что оные Правительством дозволены. Перепечатывались книги следующие: Азбука, часовники и псалтыри, яко необходимо нужные для обучения детей, также касающиеся к церковному кругу: канонник, праздничная минея, общая минея, цветники и книги сии были во время дозволенной типографии свидетельствованы Сурожским Земским Судом, делав сверх того нужные, но не противные закону, добавления в книгах из перепечатываемых. Праздничная же минея не была свидетельствована судом, но дозволена старообрядцам, равно и цветники не были свидетельствованы, но печатаны по выбору из свидетельствованных книг. Во всех годах печаталось от 1000 до 1200 экземпляров всякой книги, а псалтырей и более. Продавал оные и пересылал в Москву тамошнему купцу Якову Игнатьеву, а равно желающим продавал и по мелочам в собственном

доме, бедным же давал безденежно. Продажу сию производил явно, по уверенности, что она не противна Правительству. Управлял типографией он сам, а надсматривал клинцовский мещанин Василий Соболев, он же и Сухоруков. Число рабочих людей простиралось от двенадцати до двадцати пяти человек, и оные были из клинцовских обывателей старой веры. Хотя книгопечатание производилось без дозволения начальства, но ни типография, ни он сам ни под чьим покровительством не состояли, уверен будучи, что сие не противно воли Государя Императора и Законам Божиим и гражданским»¹⁶. После беседы с Карташевым генерал-губернатор изложил свои замечания в своем докладе: «1) Открытая ныне в Клинцовском Посаде купца Карташева типография существовала с 1805 года, не только без всякого дозволения, но и без ведома одного начальства и без надлежащего надзора, повеленного волею Монаршею. 2) Печатаение в ней книг производимо было без всякого свидетельства и исполнения распоряжений Святейшего Синода о представлении к рассмотрению его по два экземпляра книг. 3) Между прочими книгами печатались и таковые, которые мнением Архиепископа Ярославского Павла найдены недозволенными, как-то: цветники и каноны: с самовольными добавлениями, что значит из собственных его, Карташева, показаний и 4) что производство оной типографии в продолжении сего времени, быв без всякого за оным надзора от начальства, увеличилось до чрезмерности, так что угрожало последствиями своими объясненными в мнении Преосвященного Архиепископа Павла, и потому он, Г-н Военный Губернатор, не считая себя в праве разрешить производство той типографии, приказал оставить оную, со всеми ее принадлежностями и найденными при ней книгами, запечатанною под надзором Суражского Земского Суда впредь до последующего о том распоряжения»¹⁷.

История преследования государством старообрядческих типографий со всей

очевидностью показала, что политика запрещения не дает положительных результатов; после закрытия типографий их деятельность все равно возобновлялась либо в том же месте, либо в других городах и поселениях. Кроме того, возникающие в начале

XIX века единоверческие приходы не имели возможности пополнять свои книжные фонды легальными путями. Все это заставило светские и духовные власти ускорить решение вопроса об открытии единоверческой типографии.

Продолжение следует

По материалам дипломной работы А. Ю. Лобаня

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Златоуст. Л. 71–71 об. Издание Российского Совета Древлеправославной Поморской Церкви, 2010 (репринт издания типографии при Преображенском богоделенном доме 1913 г.).

2. Сборник законоположений и распоряжений по Духовной цензуре ведомства православного вероисповедания с 1720 по 1870 год. СПб.: Синодальная типография, 1870. С. 6.

3. «Пандекты» и «Тактикон» Никона Черногорца – популярные в Древней Руси сборники, переведенные с греческого языка. Создатель этих компиляций Никон жил в XI веке и был на Черной горе монахом в обители Пресвятой Богородицы в Сирии, а потом в монастыре Симеона Дивногорца. «Пандекты» представляет собой выписки из творений отцов Церкви, соборных постановлений и других памятников. «Тактикон» представляет собой сборник такого же рода, особое внимание здесь обращено на вопросы церковной дисциплины. Оба сочинения Никона Черногорца были рано переведены на славянский язык, наиболее ранний список перевода сборника «Пандекты» относится к XIII веку, а наиболее ранние списки «Тактикона» датируются концом XIV века. В Древней Руси сочинения Никона Черногорца пользовались исключительной популярностью: в редком сборнике, в редком оригинальном средневековом сочинении нет выписок из них. Они сыграли важную роль в истории таких памятников, как «Пролог», «Кормчая», «Измарагд» и других. Особенно популярны сборники Никона Черногорца становятся в конце XV – начале XVI века. В начале XVII века в Москве началась работа над печатным изданием славянской версии обоих сочинений, однако осуществить его не удалось. См.: Буланин Д. М.

Пандекты и Тактикон Никона Черногорца // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. [Электронный ресурс].

4. Мельников-Печерский П. И. Записка о старообрядческих типографиях в Клинцах, Махнове, Янове, Майдане Почапицеком // Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 1909. С. 190.

5. Вознесенский А. В. Старообрядцы и их печатная деятельность: Проблемы изучения. С. 538.

6. Там же. С. 539.

7. Там же.

8. Там же. С. 541–542.

9. Там же. С. 544.

10. Там же.

11. Там же. С. 545.

12. Мельников-Печерский П. И. Ук. соч. С. 185.

13. Там же. С. 185–186.

14. ЦГА Москвы. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 70. Л. 7 об.–9.

15. Мельников-Печерский П. И. Ук. соч. С. 186.

16. ЦГА г. Москвы. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 70. Л. 4 об.–5.

17. Там же. Л. 5–5 об.

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ О ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ ИЕРУСАЛИМСКОЙ

Продолжение, начало в № 1(2018) – 1 (2020) (77–89)

ПОЧИТАНИЕ ИЕРУСАЛИМСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ В МАЛАХОВЕ В 1950–1980-Е ГОДЫ

Димитриевская церковь села Малахова, в которую в 1949 или 1950 году была привезена из Бронниц Иерусалимская икона Богоматери, была одной из немногих окрестных церквей, не закрывавшихся в советское время. Но, к великому сожалению, о жизни этого прихода в 1930-е и 1940-е годы мы знаем лишь немногое.

Известно, что в конце 1930-х и самом начале 1940-х годов в Малахове служил протоиерей Аркадий Анатольевич Бендер (1879–1944). До своего назначения на этот приход отец Аркадий служил в церкви Иоанна Богослова в селе Алешине Бронницкого уезда (об этом известно из регистрационного дела этого прихода 1926 года)¹. Трудно сказать, когда именно он был переведен в Малахово (документов об этом пока что обнаружить не удалось), но известно, что в конце 1930-х годов он уже был настоятелем малаховской церкви: по рассказам одного из местных жителей, родившегося в те годы, его крестил именно отец Аркадий Бендер². А автор этих строк в самом начале 2000-х годов слышал от одной из малаховских старушек очень теплые слова об отце Аркадии. Умер он в 1944 году и похоронен у алтаря малаховской церкви, с левой стороны. На его могиле раньше стоял деревянный крест с эпитафией, написанной его близкими: «Здесь покоится прах протоиерея Аркадия Анатольевича Бендера. Род[ился] 1879 сконч[ался] в] 1944. Мир праху твоему, дорогой муж, отец и дедушка». Теперь крест заменен на

каменный, а надпись стала более краткой — без памятного обращения от близких.

А в то время, когда в Малахово привезли Иерусалимскую икону, настоятелем этого храма был священник Леонид Иванович Лебедев (1887–1953). Перед революцией отец Леонид служил в Никольской церкви села Царева Дмитровского уезда, затем уже в двадцатые годы был переведен в Москву и служил на Ваганьковском кладбище³. В то время приход Воскресенской церкви Ваганьковского кладбища был обновленческим. Впоследствии отец Леонид Лебедев, как и многие другие обновленцы, перешел в Московскую Патриархию. Судя по всему, в Малахово он был назначен после смерти протоиерея Аркадия Бендера.

В Малахове отец Леонид Лебедев, по старой традиции, совершал хождение по приходу: на Рождество, на Пасху и в престольные праздники обходил дома прихожан, совершая краткий молебен. Об этом известно из отчета уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Московской области А. А. Трушина за 1950 год:

Священник церкви села Малахово, Раменского района – Лебедев сообщил, что они также практикуют хождение по домам, но только с разрешения сельского совета. Священник Лебедев представил несколько справок, выданных ему в январе и феврале месяце Белозерским медпунктом и Малаховским с[ель]советом следующего содержания: «Дана

Димитриевская церковь села Малахова.
Фото 1950-х годов

Петр Федорович Кабалин с супругой.
Фото начала XX века

служителю культа в том, что в селениях: Малахово, Захарино, Рыбаки и Белозериха остро заразных больных нет, а посему разрешается служителям культа хождение с крестом и молитвой»⁴.

В те годы ходить по приходу решались далеко не все священники: постановление ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года теоретически допускало подобное по разрешению местных властей (что мы и видим в Малахове), но духовенству было хорошо известно, что такие разрешения можно было получить далеко не всегда. Бывало, что местная власть выдавала разрешения, но это вызывало недовольство вышестоящего начальства. Кроме того, в 1948 году Синод под давлением Совета по делам РПЦ был вынужден запретить крестные ходы, молебны на полях и вообще какие бы то ни было богослужения под открытым небом. В такой ситуации ходить по приходу было очень рискованно,

но тем не менее некоторые из подмосковных священников отваживались на это. Кроме отца Леонида, в Раменском районе по приходу ходил иеромонах Донат (Щеголев), служивший в то время в Кривцах (впоследствии ставший архиереем)⁵.

Священник Леонид Лебедев умер в 1953 году⁶. После его смерти настоятелем малаховской церкви стал священник Петр Федорович Кабалин (1887–1967), с 1949 года служивший здесь псаломщиком, а через некоторое время рукоположенный во диакона. Он родился неподалеку от Малахова, в Петровском и, в отличие от своих предшественников, не имел духовного образования: в советское время священниками нередко становились простые, но очень благочестивые люди. В отчете за 1953 год уполномоченный Трушин, перечисляя рукоположенных в том году священников, упоминает и отца Петра Кабалина:

Иерусалимская икона Богоматери в Малахове.

Фото 1949–1950 годов из архива семьи Кабалиных (ныне хранится в архиве малаховского прихода)

Священник КАБАЛИН Петр Федорович, 1887 года рожд[ения], урож[енец] Московской области, Бронницкого района, дер[евни] Петровское. В прошлом до 1949 года работал извозчиком, конюхом, проводником и пожарником. С 1949 по 1953 год служил псаломщиком и диаконом. В настоящее время назначен к церкви села Малахово, Раменского района⁷.

Обстоятельства рукоположения диакона Петра Кабалина во священника известны благодаря рассказу протоиерея Сергея Лаврова, записанного Георгием Петровичем Чистяковым в 1970-е годы. По словам отца Сергея, после смерти отца Леонида Лебедева малаховская церковь на некоторое время осталась без священника: никто не хотел идти на бедный приход. В те годы подобная ситуация грозила закрытием храма (уполномоченный сразу же мог написать заключение, что богослужения не совершаются

и приход распался), поэтому староста поехала в епархиальное управление, к викарию Московской епархии — архиепископу Можайскому Макарию (Даеву) — просить о назначении священника:

Пока в Малахове не было священника, староста Анна Ник[олаевна] поехала в Москву к архиеп[ископу] Макарию [Даву] просить батюшку. Он говорит: «Никто туда не хочет». Тогда она: «А нельзя ли посвятить нашего диакона?» Еп[ископ]: «Но ведь он человек необразованный» и т. д. Стал колебаться, но позвонил при ней прямо по телефону митрополиту Николаю [Ярушевичу], кот[орый] откуда-то знал об о. Петре, а тот как крикнет Ἄγιος так громко, что даже А. Н. слышала. Тогда диакону Петру было велено прибыть к владыке⁸.

Отец Сергей говорил, что Петр Кабалин, будучи извозчиком в Москве, в свободное

Отец Петр и Наталья Демидовна Кабашины.
Фото из архива Евгения Семеновича Кабакина

Иерусалимская икона Божией Матери.
Фото 2004 года

время ходил по московским церквям и уже в то время был посвящен в дьячки. Он считал, что митрополит Николай (Ярушевич) знал об этом благочестивом человеке и поэтому охотно согласился на его рукоположение.

Старые малаховские прихожане вспоминали отца Петра с теплотой и благодарностью. Известно, что он, как и отец Леонид, в праздничные дни ходил по приходу.

Протоиерей Петр Кабалин прослужил в Малахове до самой смерти. Умер он летом 1967 года, похоронен за алтарем малаховской церкви.

Вполне возможно, что отец Петр Кабалин был непосредственным участником перенесения Иерусалимской иконы Богоматери в Малахово: в архиве малаховского прихода хранится фотография, сделанная, судя по всему, сразу после того, как икону привезли. Икона стоит перед иконостасом, с правой стороны — примерно на том же месте, где

она находится сейчас, но не в киоте, а просто на полу. Рядом с ней — диакон Петр Кабалин в стихаре, и две женщины в темной одежде и черных платках. По словам Екатерины Ивановны Качановской, видевшей, как икону увозили из Гостиного двора, за иконой приехали две женщины и мужчина. Может быть, на этой фотографии они и запечатлены?

Старые прихожане малаховской церкви говорили, что была еще одна фотография, сделанная возле церкви: на ней икона была запечатлена стоящей на телеге. Но, к великому сожалению, эта фотография до нас не дошла⁹.

Впоследствии для Иерусалимской иконы был сделан киот удивительным образом хранящий память о крестных ходах былых времен: в нижней части киота сделано небольшое отверстие, через которое можно проползти, опустившись на колени. Согласно местному благочестивому обычаю, верующие, приложившись к иконе, делают земной

поклон и проползают под ней. Этот обычай — напоминание о крестных ходах былых времен, о том, как верующие встречали икону в своих деревнях: было принято сначала приложиться к иконе, а затем, наклонившись, пройти под ней. Крестные ходы уже много лет не совершаются, Иерусалимская икона постоянно находится в Малахове, но верующие по-прежнему могут почитать ее так, как это было принято в старину. Обычай этот сохраняется в Малахове по сей день.

Приложившись к иконе и пройдя под ней, можно увидеть еще одно напоминание о крестных ходах: на оборотной стороне иконы, обитой старым ковром, сохранились две старинные медные ручки, использовавшиеся для того, чтобы поднять икону, и два конусообразных крепления для шестов, поддерживавших икону во время ее перенесения на специальных носилках. Аналогичные крепления для шестов сохранились и на обороте Иерусалимской иконы из Михайловской Слободы: ее тоже носили с крестными ходами на таких же носилках.

Прохождение под иконой — это старинный обычай, представляющий собой своеобразную форму народного благочестия. Например, таким образом поклоняются многим деревенским святыням северо-запада России: верующие проходят или пролезают под иконой, статуей или ракой с мощами святого¹⁰. В Нило-Столобенской пустыни существует обычай проходить под ракой с мощами преподобного Нила Столобенского во время крестного хода, ежегодно совершающегося 9 июня, в день обретения мощей преподобного Нила¹¹. Это прохождение под мощами, которые священнослужители в конце крестного хода поднимают над входом в собор, напоминает распространенную традицию прохождения под Плащаницей после крестного хода в Великую Пятницу.

Как правило, прохождение под иконой происходит во время крестных ходов: верующие подходят к иконе, которую несут двое или несколько человек, целуют ее и проходят или пролезают под ней. Так было, например, в 1848 году в селе Новлянском: жители охва-

ченного холерой села, вышедшие встречать Иерусалимскую икону, прикладывались к ней и проходили под ней. Не забывали этот обычай и в советское время: например, прохождение под иконами совершалось в 1950-е годы во время массового паломничества к источнику в закрытой и разрушенной Курской Коренной пустыни. Это паломничество, в сущности, представляло собой стихийно возрожденный крестный ход: дважды в год, в дни, в которые до революции совершались крестные ходы с чудотворной Курской-Коренной иконой Богоматери, верующие пешком шли из Курска в Коренную пустынь. Это паломничество описывается в многочисленных отчетах уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Курской области П. Володина. Подробно описывая все происходившее, уполномоченный упоминает и прохождение под иконами:

...по пути движения паломников в с[елах] Тазово, Жерновец, Малаховка, ст[анице] Букреевка встречаются и провожают процессию группы местных жителей с детьми. Только от Малаховки до Букреевки встречающих было не менее 100 празднично одетых, в большинстве своем молодых женщин, почти каждая из них с ребенком, а то и с двумя, даже с грудными ребятами. Все они стараются приложиться почти ко всем иконам и пройти под ними, особенно старательны в этом отношении ребяташки, они подбегают к иконам и целуют их, грудных детей тоже подносят к иконам¹².

В раменской округе в наши дни прохождение под иконой практикуется не только в Малахове: его можно наблюдать в приходе села Михайловской Слободы во время крестного хода по окрестным деревням в Неделю Жен-Мироносиц, совершающегося в память о спасении местных жителей от эпидемии холеры в 1864 году. При приближении крестного хода встречающие его возле своих домов верующие проходят под Иерусалимской иконой.

Объясняя смысл прохождения под иконой, большинство верующих связывает его с Покровом и заступничеством

Протоиерей Петр Кабалин с близкими. Фото из архива Евгения Семеновича Кабалкина

Димитриевская церковь села Малахова. Фото 2004 года

Богоматери за всех верующих. Многие связывают этот обычай с исцелениями, вспоминают, что раньше больных либо проносили под иконой, либо клали на пути крестного хода, чтобы икону пронесли над ними. В 2004 году пожилой житель деревни Клишевы Виктор Павлович Мусин, служивший одно время алтарником в малаховском храме, говорил автору этих строк, что пролезание под иконой «полезно для здоровья... это как Покров Богоматери...»¹³. Такое объяснение можно услышать и во многих других приходах. Например, во время крестного хода с Иерусалимской иконой в Михайловской Слободе одна из прихожанок этого храма, объясняя смысл прохождения под иконой, вспомнила историю прославления Иерусалимской иконы в этой местности и сказала, что «икона ограждает от заразы»¹⁴.

Прохождение под Иерусалимской иконой Богоматери в Малахове непосредственно связано с прохождением под иконой

во время встречи иконы и с пронесением под ней больных во время крестных ходов в XIX веке. Скорее всего, пролезание началось в 1950-х годах, сразу после того, как икона оказалась в Малахове. Крестные ходы к тому времени прекратились, но память о них была свежа. Возможно, что верующие, хорошо помнившие, как происходила встреча иконы, и были инициаторами возрождения этой практики поклонения чудотворному образу. Ставшее невозможным прохождение под иконой во время ее встречи (подобно тому, как это совершается в наши дни в Михайловской Слободе) было заменено на прохождение под постоянно находящейся в храме иконой.

Изначально малаховская церковь была холодной, отапливался лишь построенный в 1888 году придел. Протоиерей Александр Соловьев (1939–2019), служивший в Малахове с 1967 года по 2010 год, рассказывал, что в 1960-е и 1970-е годы основную часть храма на зиму закрывали (для этого в арках, отде-

Димитриевская церковь села Малахова. Фото 2019 года

ляющих подкупольное пространство от трапезной и придела, были установлены двери) и всю зиму служили только в приделе. Иерусалимскую икону на зиму тоже переносили в придел. Учитывая ее внушительные размеры, для переноса требовались усилия восьми мужчин. С тех пор, как весь храм стал отапливаемым, икона постоянно находится на своем месте¹⁵.

С того момента, как Иерусалимская икона Богоматери оказалась в Малахове, в этом храме изменился богослужебный уклад: после литургии перед чудотворной иконой всегда стали совершать молебен с водосвятием. А в дни праздников, посвященных этой иконе — в день общецерковного празднования — 12/25 октября и в день местного празднования — в десятое воскресенье после Пасхи совершаются торжественные богослужения, и в храме всегда бывает многолюдно. Сохранилось интересное свидетельство об этих праздниках. Священник

Георгий Чистяков на рубеже 1970-х и 1980-х годов сделал в брошюре, посвященной достопримечательностям Раменского района, несколько помет, сообщающих о тех фактах, которые не могли в те годы быть упомянуты в тексте по цензурным соображениям. Например, на схеме Раменского района он пометил действующие и закрытые церкви. А в статье о Бронницах он сделал небольшую приписку, рассказывающую об Иерусалимской иконе:

В Арх[ангельском] соборе г. Бронниц вплоть до 20-х годов находилась чудотворная икона Б[ожией] М[атери] Иерусалимская огромного размера. В наст[оящее] время этот образ в храме села Малахова. Праздн[ик] привлекает туда большое число паломников¹⁶.

Действительно: рано утром 25 октября и в десятое воскресенье по Пасхе большую часть пассажиров автобуса № 25, идущего

Схема Раменского района из путеводителя 1976 года с пометами Г.П. Чистякова. Красными крестиками отмечены действующие церкви, зелеными — закрытые, а коричневыми — места разрушенных церквей

от платформы «Фабричная» в Рыбаки, составляли пожилые женщины, ехавшие в Малахово на службу. Одни бывали здесь только в праздник, другие ездили в Малахово регулярно: после закрытия Троицкой церкви в Раменском верующие стали ездить в окрестные церкви — в Удельную, Загорново, Игумново, Малышево и Малахово.

В 1960-е годы богослужения в дни празднований Иерусалимской иконе Богородицы в храмах бронницкой округи несколько раз совершал митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен (Извеков) — будущий Патри-

арх Московский и всея Руси. Так, в 1967 году митрополит Пимен в день местного праздника Иерусалимской иконы служил в церкви села Загорново:

5 июля 1967 года митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен совершил Божественную Литургию в церкви Архистратига Михаила с. Загорнова Раменского района, где совершалось празднество в честь местной иконы Иерусалимской иконы Божией Матери. По окончании Литургии Владыка преподал общее благословение¹⁷.

А в следующем, 1968 году, в день этого праздника митрополит Пимен служил литургию в церкви села Новлянского. После службы митрополит посетил несколько окрестных церквей: Крестовоздвиженский храм села Марчугов, Никольский храм села Малышева и Дмитровский храм села Малахова, где поклонился Иерусалимской иконе Богоматери. Об этом рассказывается в «Журнале Московской Патриархии»:

2 июля 1968 года в храме с. Новлянское, Егорьевского благочиния, в день празднования перенесения в этот храм чудотворной Иерусалимской иконы Божией Матери, митрополит Пимен совершил Божественную литургию. За литургией он награждал местного священника Александра Захарова камилавкой, а настоятеля Крестовоздвиженского храма с. Марчуги, того же благочиния, священника Александра Сайгушева – скуфьей. По окончании литургии Владыка митрополит произнес проповедь о заступничестве Богоматери за человеческий род и преподал благословение молящимся. В тот же день митрополит Пимен посетил храм с. Марчуги. Владыка и сопровождающие его лица спели тропарь храма. Затем архипастырь посетил Никольский храм с. Малышево, того же благочиния, а также Димитриевскую церковь с. Малахово Раменского благочиния, в которой находится местночтимая икона Божией Матери «Иерусалимская»; перед ней был также пропет тропарь¹⁸.

Продолжение следует

П. Г. Чистяков

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 4. Д. 43. Л. 5. См.: Священно-церковнослужители и ктитория Московской епархии первой трети XX столетия. Тверь, 2013. С. 33.
2. Благодарю за консультацию алтарника малаховской церкви Михаила Викторовича Автономова.
3. См.: Священно-церковнослужители и ктитория Московской епархии первой трети XX столетия. Тверь, 2013. С. 154; Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 682.
4. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 646. Л. 83.
5. Там же. Д. 774. Л. 49.
6. Там же. Д. 1037. Л. 63.
7. Там же. Л. 64.
8. Запись рассказа протоиерея Сергея Лаврова о протоиерее Петре Кабалине, сделанная Г.П. Чистяковым в 1970-е годы. Архив автора.
9. Благодарю за консультацию алтарника малаховской церкви Михаила Викторовича Автономова.
10. Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни северо-запада России. СПб., 1998. С. 112–115.
11. «По окончании крестного хода, перед вступлением в собор, священнослужители возвышают святыни для того, чтобы все молящиеся могли пройти под ними». Нило-Столобенская пустынь. Б/м (Московский Патриархат, Тверская епархия), 2001. С. 48.
12. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 229. Л. 15.
13. Полевые записи автора, 25 октября 2004 года, село Малахово Раменского района Московской области.
14. Полевые записи автора, 19 мая 2002 года, село Михайловская Слобода Раменского района Московской области.
15. Полевые записи автора, 1994 год, село Малахово Раменского района Московской области.
16. Аверьянова М.Г. По Раменскому району. М., 1976. Экземпляр с пометами Г.П. Чистякова. Архив автора.
17. Из жизни епархий // Журнал Московской Патриархии. 1967. № 9. С. 30.
18. Из жизни епархий // Журнал Московской Патриархии. 1968. № 8. С. 23.

ДЕТСКИЕ СТРАНИЦЫ

МОНАХИНЯ СЕРАФИМА (ОСОРГИНА). БЛАЖЕНИ ЧИСТЫЕ СЕРДЦЕМ

ПО КНИГЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА
ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДОЛЖЕНИЕ, НАЧАЛО В № 4 (86) 2019, № 1 (89) 2020 г.

Сережик очень любил рисовать. Нельзя сказать, чтобы он хорошо рисовал. Все, что он изображал, было очень примитивно даже для его возраста. Но интересно то, ЧТО он рисовал, ЧТО привлекало и занимало его. Я рассматривала уцелевшие его рисунки, все эти изрисованные и иногда измаранные бумажки. Всюду церкви, крестики, могилки, священники и часто — картины из Священной

истории. Видно, как он все замечал, все представлял себе живо, реально. Ему запрещалось изображать Спасителя — уж очень некрасиво он рисовал человеческие лица, и все-таки есть рисунок Распятия. Сохранилась большая картина Входа Господня в Иерусалим со всеми подробностями еврейской толпы. Дети с пальмовыми ветвями, деревья, человек, влезавший на пальму за веткой... Люди идут по дороге, и много радости чувствуется во всех примитивных фигурках. А на самом краю картинки, справа, показываются голова и ноги ослика и видно только большое сияние Сидящего на нем. Тут Сережа не посмел изобразить фигуру Христа. Больше всего мне понравилось изображение Успения Божией Матери. Видно, с каким живым воображением рисовалась эта картина. Апостолы собрались вокруг Тела Божией Матери, видны остатки облачков, на которых они прилетели; тут же неверующий кощунник, схватившийся за одр Богородицы, руки его отсечены, пристали к одру, кровь течет. А над всем Спаситель в небесах принимает в объятия душу Божией Матери.

Рядом с этими духовными сюжетами — самые простые, детские: собачки, зверушки разные. Как он любил зверушек! У него был целый заветный мешочек любимых игрушек-зверушек: мишки, зайчики, собачки, лошадки. Он ужасно любил их, иногда расставлял на столе все свое полчище и любовался на них. Самый любимый был Яшка — большая плюшевая обезьяна, до невозможности истрепанная и затертая. С Яшкой Сережик никогда не разлучался, любил его нежно, спал с ним и расстался только во время предсмертной болезни...

Последнее лето жизни Сережика, лето 1939 года, о. Борис с семьей проводил в детской колонии в Эленкуре, в чудной по красоте местности. Там-то я и познакомилась с ними, близко узнала Сережика, сблизилась и подружилась с его родителями. Как я уже говорила, мы много времени проводили вместе. Сережик стал меня звать «тетей» и говорить мне «ты», приняв меня доверчиво и просто в свое родство.

Никогда не забуду тех двух-трех дней, которые он провел всецело на моем попечении. Это была первая его разлука с родителями.

Смутное, тревожное было время. В воздухе нависала война, тяжелая, грозная атмосфера чувствовалась кругом. Дела вызвали о. Бориса в Париж. Жена не хотела покидать его в такое беспокойное время, да, кроме того, ей надо было показаться доктору. Поручив мне детей, о. Борис с женой уехали в Париж. Мы провожали их на автокаре. Дети махали до тех пор, пока знакомые лица в окне автокара не скрылись за поворотом. Верочка поцеловала меня, объявила, что сегодня ночью будет спать на маминой кровати, и побежала в колонию к своим подругам. Сережик сказал, что в колонию не пойдет, хочет быть все время со мной и хочет сейчас же писать письмо маме, только на маминой бумаге

и в мамином конверте. Мы пришли ко мне. Я села с книгой, а Сережик устроился к столу и принялся за письмо. Из-за книжки я поглядывала на него. Косые лучи солнца лились в открытое окно. Наклоненная темная головка, воротник матросской курточки; губы и язык усиленно помогают писать, глаза сверкают, щеки постепенно разгораются от труда и переживаний. С орфографией дело не очень-то ладилось. Ошибки он принес проверять ко мне на колени. Помню наизусть его письмо: «Милая Кисанька! Как ты доехала? Как Папик доехал? Когда я вас проводил, я снаружи смеялся, а внутри плакал. Пишу у тети Тони, только там у нее я нахожу утешение в своем горе...»

Тут же решено было писать письма каждый день. На следующий день он прибежал ко мне, сел за стол, написал: «Дорогой Мамик!» Но дальше пороку не хватило — погода была так хороша, так хотелось бежать в лес. Так этот «Дорогой Мамик!» и остался у меня в блокноте.

Через два дня родители вернулись.

Объявление войны застало нас в Эленкуре. Люди семейные, люди, имевшие на своем попечении детей, с тревогой спрашивали себя, где лучше устроить детей, куда их перевозить, где учить зимой. Принимались и отклонялись решения несколько раз в день.

tricycle - attention à la descente

mercredi 6 février

ay ay ay ay ay ay ay ay ay ay ay

crayon crayon crayon crayon crayon

oy oy oy oy oy oy oy oy oy oy oy

voyage voyage voyage voyage voyage

uy uy uy ~~uy~~ uy uy uy uy uy

tuyau tuyau tuyau tuyau tuyau

calcul calcul

$$10 + 7 = 17$$

$$12 + 3 = 15$$

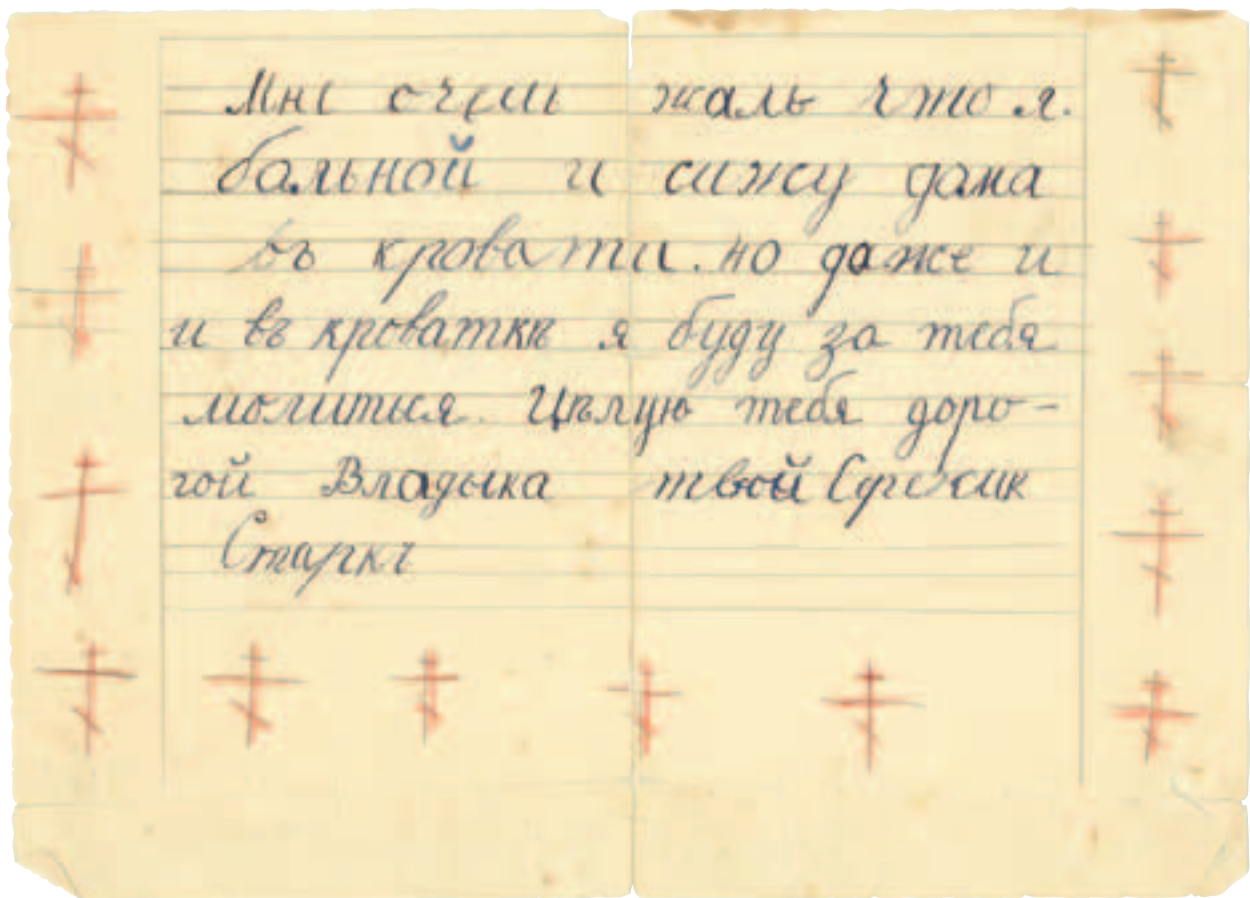
$$9 + 6 = 15$$

je compte jusqu'à 17.

1-2-3-4-5-6-7-8-9-10-11-12-13-14-15-16-

17.

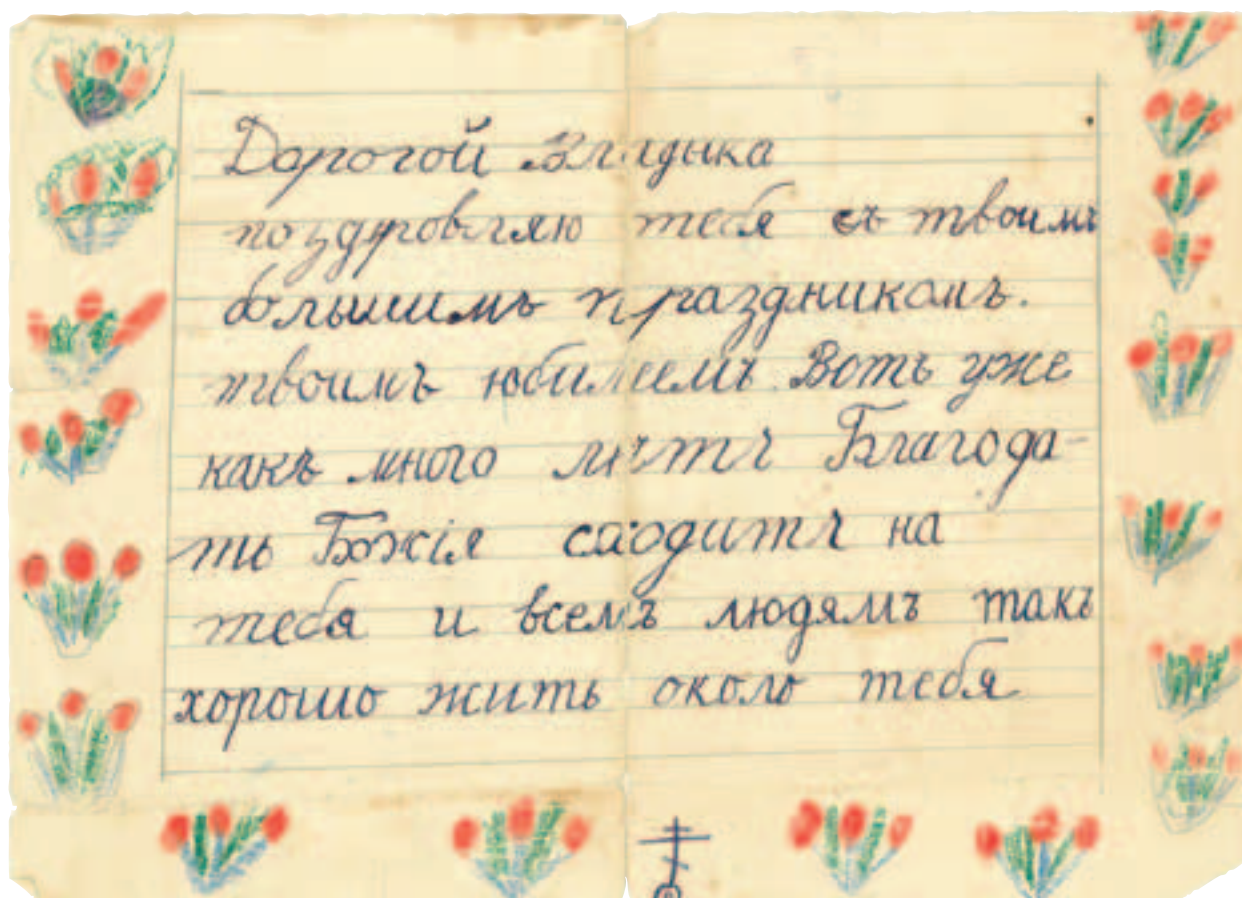

Скоро судьба разлучила меня с семьей Старков надолго. Они переехали в детскую колонию Вильмуассон. Сперва жили в бараке в лесу, к зиме переехали в большой теплый дом колонии. Дети поступили во французскую школу. До этого, как я уже говорила, Сережик учился в русской гимназии, но говорил по-французски совсем хорошо. Учился он в этом году отлично. Несколько раз получал медаль, когда я уже после смерти своего отца на один день приехала к Старкам. И приласкал, и помолился со мной у заупокойной обедни, которую о. Борис отслужил для меня. В последний раз видела я тогда Сережика, прислуживавшего отцу в белом стихарике, с кадилом в руках.

Заболел он в день Крещения. Утром прислуживал за обедней, и кто-то еще сказал матери: «Какое у него сегодня особенное выражение лица было за службой!»

Днем у него поднялась температура — 37,5; он жаловался на ухо, железки за ушами распухли. Казалось, пустяки, но температура быстро стала подниматься, обнаружилось воспаление легких. Две недели он болел дома. Все это время температура была то очень высока, то немного спускалась. Доктора путались в симптомах. Один находил менингит, другой — воспаление в легких от какой-то

бациллы. Подозревали стрептококки, подозревали коли бактерии, делали бесконечные анализы, которые ничего не давали и всех сбивали с толку. На 15-й день болезни доктора сказали, что положение угрожающее и посоветовали перевезти Сережу в госпиталь.

Все жители дома в Вильмуассоне любили Сережика, все волновались из-за его непонятной болезни. Когда пронеслась весть, что его перевозят в госпиталь, в коридоре, у дверей его комнаты столпились многие, желавшие помочь, посочувствовать или просто взглянуть на милого мальчика.

Он лежал в своей кроватке, знал, что его перевозят, и как-то совсем спокойно принял это известие. До этого дня он волновался своей болезнью, так что от него скрывали его ВЫСОКУЮ температуру, говорили, когда он спрашивал, — 38 вместо 40. Но с этой минуты он как будто понял, что положение его очень серьезно, и совершенно этому покорился. Вдруг он начал громко молиться, петь всенощную. Было около шести часов вечера.

— Господи, воззвах к Тебе, услыши мя, УСЛЫШИ мя, Господи! — и опять: — Господи, воззвах к Тебе, услыши мя!

В ручках он сжимал крестик. Было что-то до того трогательное в этой молитве, что все, слышавшие ее в коридоре, в дверях, плакали. При отъезде Сережик

старался каждому сказать какое-нибудь ласковое слово, оказать внимание. Просил, чтобы не забывали кормить собачку Жучка.

В госпитале его положили в отдельной комнате. В тот же вечер, подчиняясь правилам госпиталя, родителям пришлось вернуться домой, оставить его одного. Сережик подчинился этому просто и покорно. Понял, что так надо. С ним ночевала милая, добрая сестра, католическая монахиня, которая, как и все, полюбила его и, когда он просил, давала ему держать свое Распятие.

Так потянулись дни в госпитале. Утром родители приходили, проводили день, вечером прощались, расставались на долгую, тревожную ночь. Продолжала упорно держаться высокая температура, все около 40. Один раз под вечер Сережику стало совсем плохо, сердце слабело. Сестра вдруг сказала родителям, что лучше им остаться на ночь при нем, что она не ручается за эту ночь. Распорядилась, чтобы в палату внесли диванчик для родителей. Когда Сережик увидел этот диванчик, он понял, что папе и маме позволили остаться с ним на ночь и, повернувшись к сестре с полными слез глазами, сказал ей: «Спасибо! Я не забуду НИКОГДА то, что вы для меня сделали!» К утру сердце опять выправилось. На следующую ночь родителям пришлось опять уйти. Сестра сказала: «Этой ночью ничего не случится». И Сережик спокойно их отпустил, как будто и он знал, что сегодня он от них еще не уйдет.

Мать его все боялась, что он будет бредить по-русски, просить что-нибудь, и что сестра его не поймет. Поэтому мать внушала ему без них говорить по-французски. Так он и делал. Сестра рассказывала потом, что в долгие, томительные часы бессонницы Сережик молился вслух. То молился по-русски своими словами и вежливо объяснял ей: «Я просто по-русски молюсь, вы поэтому не понимаете». Иногда молился по-французски, и она слышала, как он молится за всех солдатиков, которые в траншеях, за всех несчастных, за всех, кому холодно, кто сейчас на дорогах, за раненых. Потом, уже в конце болезни, один раз он вдруг сам себя пожалел и заплакал: «Я сам теперь в раненого солдата обратился».

В госпитале сестра ухаживала за ним от души, действительно боролась с болезнью, но как он страдал, бедненький, от этого лечения! От него не осталось ничего, одни кости, весь он был сожжен горчичниками, истыкан уколами. Сестра говорила, что не припомнит, чтобы кому-нибудь делали столько уколов. От болезни Сережик совсем не страдал, но от лечения — очень, и когда сестра появлялась со шприцем или горчичником, он, чтобы не кричать, судорожно сжимал в ручках Распятие, молился напряженно, так, что покрывался потом, и только так не кричал. За всю болезнь, которая продолжалась 32 дня, темпера-

тура редко спускалась ниже 40, доходила до 41,8. Чего только не делали врачи, чтобы спустить температуру. Все обычные способы не давали результатов. Так, например, после холодного обертывания температура не спускалась, а поднималась еще выше. Сестра разводила руками.

Видели Сережика девять докторов. Одного светила, детского специалиста (профессора Вейль-Аллэ, заведующего Парижским госпиталем больных детей) выписывали из Парижа. Все предположения докторов не оправдывались, все их расчеты опрокидывались... Все, что было в человеческих силах и возможностях, было сделано, чтобы спасти его. Но, видно, Господь судил иначе.

Последние 15 дней Сережик причащался каждый день. Он был в сознании до самого конца, иногда путался, иногда бредил, но, в общем, все время все осознавал. Причащался каждый день с таким особым благоговением, так ждал Причастия, так готовился к нему! Очень его мучило сначала, что он не может припомнить свои грехи — жар мешает. О. Борис стал причащать его, как больного, без исповеди, и это его успокоило: «Теперь папа причащает меня без исповеди, значит, больше нет у меня грехов». Как-то он сказал: «Мне так будет хорошо у Бога! — и сразу добавил матери: — Только ты не плачь».

Раз он видел во сне преподобного Серафима. Проснувшись, рассказал, что преподобный Серафим подошел к его кровати и снял с него горчичники, которые так его мучили. Действительно, в этот же день доктора отменили горчичники совсем. Это было самое мучительное в его лечении. Как-то раз, страдая от боли, Сережик сказал своей матери, что вот мученики, когда страдали, им это легче было, потому что они страдали за Христа. И мать поняла его мысль: они, мученики, за Христа страдали, а он, Сережик, за самого себя, то есть для своего здоровья страдает. Мать сказала ему, что и он может свои страдания как-то отдать в жертву Богу, терпеть для Христа. Сережик сразу же уловил эту мысль и успокоился, приготовился терпеть. Маленький девятилетний мальчик! Но вот явился преподобный Серафим и избавил его от лишних страданий.

В другой раз не во сне, а наяву, преподобный Серафим его поддержал. Сережик говорил: «Я знаю, что преподобный Серафим здесь! Я его не вижу, но я чувствую, что он здесь».

Удивительно, что, как будто сговорившись, друзья и близкие, переживавшие всем сердцем болезнь Сережика, привозили ему и присылали образки и разные святыни именно от преподобного Серафима. Прислали ему большой образ со вделанным камешком преподобного, другой образок — написанный на том камне, на котором молился преподобный Серафим. Этот камень Сережик

и в ручках держал, и под подушкой, и целовал его, прижимаясь к нему. Привезли ему святой воды, вывезенной из России, из колодца Саровского. Прислали большой образ со множеством частиц мощей. Все эти святые окружали его.

Молились за него, смело можно сказать, десятки людей. В скольких церквях его поминали, молились горячо, усердно, становясь на колена, со слезами. Скольких людей захватила и прямо-таки перевернула эта болезнь, эта невероятная борьба жизни и смерти в маленьком детском существе, и эта сильная борьба и победа духа ребенка над земными страданиями. Я не преувеличу, когда скажу, что не только близкие, но чужие люди, не знавшие Сережика, переживали остро все стадии его болезни, справлялись о его здоровье, старались получить последние известия. Мы все, пережившие эти дни, никогда не забудем того времени, того молитвенного порыва, в котором мы соединились, молясь за Сережика.

А как он сам молился! С каким напряжением держал в ручках крестик, прятал его и, поднимая одеяло и глядя на крест, молился. В такие минуты он говорил родителям: «Не смотрите на меня!» А у них не хватало духу спросить его, о чем он молится, о чем думает.

Иногда он бредил и в бреду говорил удивительные вещи, как будто ему дано было видеть и понимать то, чего здоровым людям не увидеть и не понять. Перед его кроватью дома висел большой портрет покойной бабушки. Раз он так радостно ей улыбнулся, как будто вдруг увидел ее: «Букочка милая, мы к тебе приехали!..»

В другой раз поздно вечером он все беспокоился об одном из мальчиков колонии, звал его по имени. Это было, когда он лежал еще у себя дома, в Вильмуассоне. Дортуар мальчиков находился в том же коридоре, через две комнаты. Все двери были закрыты, дети давно спали. Сережика успокаивали, но он не переставал волноваться: «Надо посмотреть, что делает Баранов! Посмотрите на Баранова!» Наконец, чтобы успокоить больного, кто-то пошел в дортуар. И что же? Действительно, все дети спали, а Баранов, оказывается, упал с кровати и продолжал спать на холодном полу между стеной и шкафом.

Накануне перевоза Сережика в госпиталь часов в 6 вечера он вдруг стал говорить матери: «Как мне хорошо! Какой сегодня свет, какое солнышко! Почему ты закрыла ставни, когда так светло?» Думая, что он бредит, мать стала говорить ему, что сейчас уже вечер, на улице совсем темно, но так как Сережик настаивал, она, наконец, открыла занавески и ставни окна, показала ему зимнюю ночную темноту. Сережик как-то недоумевающе посмотрел на черное окно:

«Ах, это не то! Неужели ты не видишь, какой свет кругом?!» В это время приехал отец Лев и вошел в комнату. Сережик и к нему обратился:

«Отец Лев, вы видите, какой свет здесь? Мне так хорошо». — «Да, да, милый, свет! И слава Богу, что тебе хорошо». Эти слова его как-то успокоили.

А вот еще поразительный случай: в вечер, когда его перевезли в госпиталь, мать, вернувшись домой, сидела одна в своей комнате, как вдруг со стены сорвалась и упала фотография Сережика. Она оглянулась. Вдруг с другой стены упала вторая, упала третья... За несколько минут, без всякой видимой причины, упало 5–6 фотографий Сережика, — и именно Сережика, остальные оставались висеть на своих местах. Может быть, это была случайность, но, конечно, в такую минуту матери это было неприятно. Утром родители вернулись в госпиталь рано. Никто не видал Сережика со вчерашнего вечера, кроме госпитальной сестры, никто не мог рассказать об этом случае, но когда он увидел мать, то улыбнулся ей и вдруг говорит: «А карточек-то сколько попадало!»

В другой раз он вдруг, как бы всматриваясь куда-то, сказал: «Вот катафалк едет черный!» — «Но он мимо едет, Сережик?» — спросил отец Борис, затаив дыхание — «Да, мимо». На следующий день узнали, что в этот самый час умерла знакомая девочка в Париже.

В конце болезни он все просил крест. Ему подавали то один, то другой крест. «Нет, нет, не тот! Я знаю, что для меня есть еще один свободный большой крест!» Понимали родители, о каком кресте он говорил.

Наряду с этими, такими особенными словами, прорывался иногда самый детский бред: «Я еще таблицу умножения не выучил!» Потом, не в бреду, вполне сознательно как-то сказал: «Мне жаль только одного: я хотел школу кончить».

Сознавал ли он, что умирает? Конечно, сознавал! Он уходил из мира, любя мир, прощаясь с миром, но уходил как-то величественно, просто, с детской доверчивостью и верою в Бога, с молитвой и крестом, как подвижник.

Окончание следует

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ЛИЦА ЕДИНОВЕРИЯ

ДВОРЫ И КАМНИ. ИЗ ИСТОРИИ ЕДИНОВЕРИЯ И УСИЛИЙ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА В XIX ВЕКЕ. ПОСВЯЩАЕТСЯ 125-ЛЕТИЮ ПАМЯТИ СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРИТА ПАВЛА ПРУССКОГО 2

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ О. Н. КУЛИКОВСКОЙ-РОМАНОВОЙ И В. Н. БОРОВИЦКОЙ 10

ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ТИПОГРАФИИ. СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА (ПРОДОЛЖЕНИЕ) 26

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

П. Г. ЧИСТЯКОВ. ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ О ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ ИЕРУСАЛИМСКОЙ. ПОЧИТАНИЕ ИЕРУСАЛИМСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ В МАЛАХОВЕ В 1950–1980-Е ГОДЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ) 36

ДЕТСКИЕ СТРАНИЦЫ

МОНАХИНЯ СЕРАФИМА (ОСОРГИНА). БЛАЖЕНИ ЧИСТЫЕ СЕРДЦЕМ (ПРОДОЛЖЕНИЕ) 46

Издание Михаило-Архангельской единоверческой общины

Главный редактор: священноархимандрит Иринарх (Денисов)

Ответственный за выпуск: протоиерей Евгений Сафранча

Дизайн и верстка: Я. Хорева

Корректоры: Н. Яшина, П. Чистяков, В. Каменская

Фотографы: А. Баженов, А. Дьяконова, З. Полтавская, использованы фотографии из личного архива С. Кабалина, личного архива П. Чистякова, архива Димитриевской церкви села Малахово

Дорогие читатели, ниже просим вас после прочтения очередного номера нашего издания не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неискусно, Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.